

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

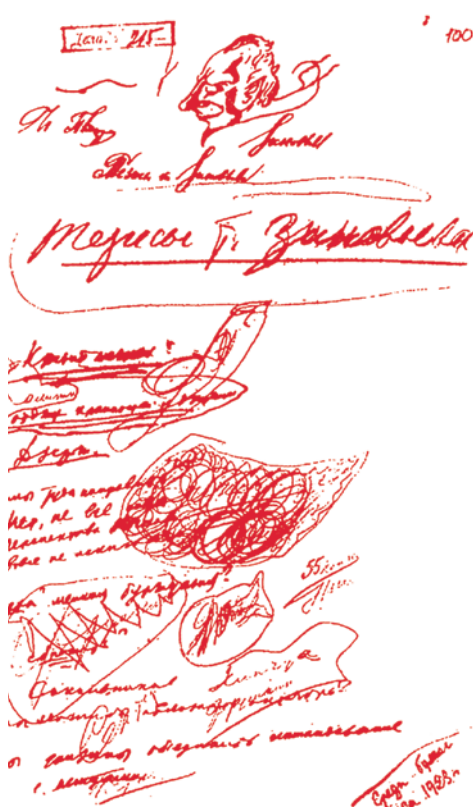
Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

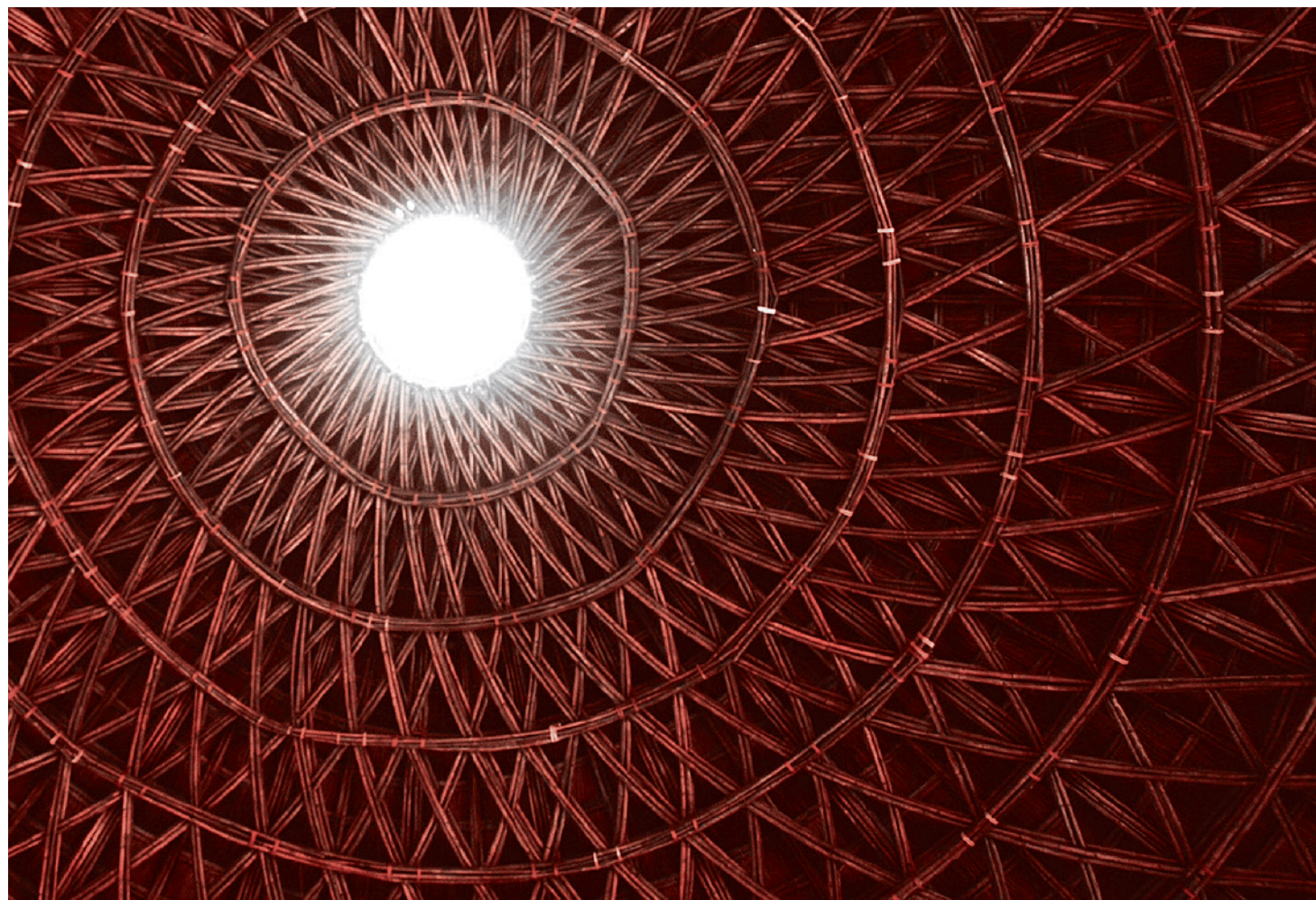
15 августа 2018 г.

№ 291

Для тех, кто не потерял способность к стратегической
оценке ситуации и стратегическому же реагированию
на нее, моя модель купола далеко не бесполезна

Купол — 2

Купол изнутри (арх. Во Тронг Нинья)

Личность Сталина

Аналитика конфликта
интерпретаций

(продолжение)

4 ТВОРЧЕСТВО СТАЛИНА

Размышления читателей
о Летней школе

14 ПЕРЕЛОМ

14 АТМОСФЕРА БУДУЩЕГО

15 ВЕРНУТЬ СЕБЕ РОДИНУ

15 РЕШИМОСТЬ

16 СТАНЕТ ЛИ НОВЫЙ ПОДХОД НАЧАЛОМ НОВОГО ЭТАПА?

После прихода Ельцина к власти Горбачев какое-то время пытался функционировать в качестве политической фигуры. Продолжалось это — не более двух лет. Впоследствии Горбачев пытался выступать в роли международно значимого защитника России, выстраивающего отношения между Россией и Западом. Вскоре Запад понял, что Горбачева ненавидит огромное большинство граждан России и предложил Горбачеву (который, по мнению Запада, был очень важным инструментом демонтажа Советского Союза и коммунизма) новую комфортно-унизительную роль. И Горбачев начал рекламировать пиццу.

Но как минимум в 1992 году Горбачев еще надеялся чуть ли не переиграть Ельцина. И вел себя достаточно активно, проводя определенную линию через созданный им Фонд Горбачева.

Фонд Горбачева первоначально располагался в здании Института общественных наук при ЦК КПСС. Этот институт в советскую эпоху был тесно связан с тем, что достаточно условно можно назвать партийной разведкой. Почему я говорю об условности этого названия?

Во-первых, потому, что в противном случае продвинутые дилетанты, занимающиеся теми или иными аспектами функционирования КПСС, и бывшие партийные номенклатурщики могут начать

уличать меня в приписывании КПСС того, чего на самом деле не было. И мне слишком далеко придется уйти тогда в те детали функционирования КПСС, которые мне и сейчас не хочется обсуждать.

Во-вторых, потому, что КПСС на разных этапах своего существования очень по-разному относилась к собственной разведдеятельности, переключая ее всё больше на обычные разведки (КГБ, ГРУ и т. д.). Тем же самым КПСС занималась и в сфере идеологии. Поэтому называть Институт общественных наук цитаделью партийной разведки было бы и впрямь не вполне корректно.

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 8 2 9 1

>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

Однако еще более некорректно — игнорировать специфику этого института, его отличие от Высшей партийной школы (ВПШ), где готовились нормальные советские номенклатурщики. Те, кого опекали в Институте общественных наук, никакого отношения не имели к лицам, обучавшимся в ВПШ. Это был другой контингент. И обучался он совсем иначе.

Поскольку тема данной статьи не имеет никакого отношения к деталям деятельности Института общественных наук, я ограничусь сообщенными выше краткими сведениями по поводу специфики данной организации. Даже эти краткие сведения нужны мне здесь только для того, чтобы читатель оценил циничную изысканность приема, осуществленного горбачевцами и ельцинистами. Ельцинисты ликвидировали в 1991 году Институт общественных наук как особо злобное ответвление коммунистического монстра и передали здание, где размещалось это особо злобное ответвление, не абы кому, а бывшему руководителю «монстра», то бишь генсеку КПСС.

Горбачев, получив это здание (большая часть которого была у него отобрана в октябре 1993 года), решил создать клуб интеллектуалов и даже, точнее, философов, который должен был, по замыслу создателя этого клуба, быть чем-то вроде особого мозгового треста, способного взаимодействовать как с обычными иностранными мозговыми трестами типа «Рэнд Корпорейшн», «Четем-хаус» и так далее, так и с ооновскими интеллектуальными структурами.

В этом своем начинании Горбачев оперся как на авторитетных работников Института общественных наук, действительно имевших интеллектуальный потенциал, необходимый для осмысления текущих мировых процессов, так и на своих бывших советников, которые имели очень высокие позиции в философском мире. Называть я этих советников не буду, потому что в данном случае любая конкретика уведет нас от существа дела.

Карл Ясперс

В 1992 году Горбачев настойчиво приглашал меня на заседание этого клуба мудрецов. Делал он это в силу определенной уязвленности, источником которой был его отказ идти по тому пути, который предлагал созданный мною центр стратегических исследований, он же — Экспериментальный творческий центр (ЭТЦ). Поскольку ЭТЦ был создан по решению Совета министров СССР и в силу этого обладал тем политическим весом, который Горбачев не мог игнорировать, отказ Горбачева от следования рекомендациям нашего центра был выбором некоего политического пути. Горбачев понимал, что он сохранит и власть, и КПСС, и СССР, согласившись следовать тем квазикитайским курсом, который мы предлагали (с тем, каков был предлагаемый нами курс, а также с тем, что предлагали мы его именно в те далекие времена, читатель может убедиться, ознакомившись с нашей книгой «Актуальный архив»). Горбачев понимал, что, реализуя на практике наши предложения, он получит поддержку партии и большинства делегатов Съезда народных депутатов СССР. И, наконец, он понимал, что его конституционный долг состоит в том, чтобы реали-

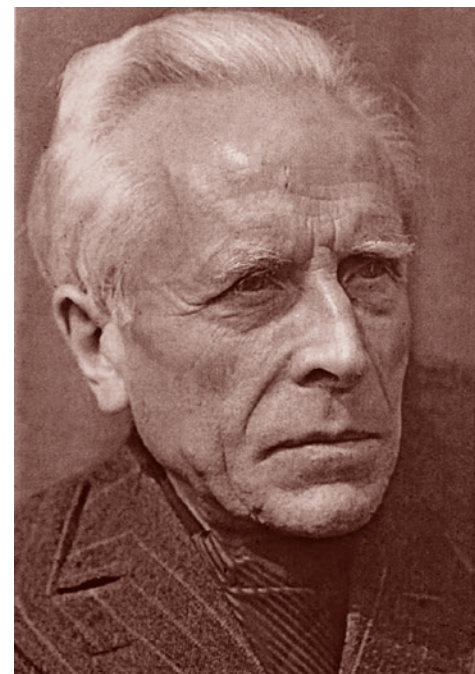
зовывать именно предложенный нами путь, потому что другого пути сохранения государства и общественного строя не было.

Понимал Горбачев и то, что, отказавшись идти тем путем, который мы предлагали, он потерял власть. И что потерял он ее именно потому, что отказался от предлагаемого нами пути. Горбачев власть очень ценил и очень болезненно переживал ее потерю. Еще больше переживала случившееся жена Михаила Сергеевича, которая, в отличие от ее супруга, обладала всеми качествами, необходимыми для политика, и в этом смысле имела потенциал ничуть не ниже, чем у Маргарет Тэтчер.

У меня есть все основания считать, что и сам Горбачев, и его покойная супруга, как сказал бы Зигмунд Фрейд, проецировали на меня некое сожаление по поводу утеренных возможностей.

Что же касается меня, то я, во-первых, хотел понять, что же представляет собой реальный глобальный курс, весьма далекий от того, что декларировалось авторитетными западными кругами.

И, во-вторых, я понимал, что моя позиция, сформулированная предельно жест-

Людвиг Клагес

ко, может вывести из равновесия Михаила Сергеевича, а будучи выведенным из равновесия, он способен сообщить достаточно интересные сведения. То же самое касалось и советников Михаила Сергеевича, обладавших высоким международным интеллектуальным рейтингом.

Во время одной из таких конфликтных встреч, проходивших в 1992 году (возможно, где-то еще хранится ее стенограмма), Михаил Сергеевич сказал мне: «Умный ты человек, Сергей. И даже волевой. Но когда ты еще был младшим научным сотрудником и ходил на работу в свой институт, я уже встречался с двадцатью двумя очень авторитетными и умными представителями западной элиты. Они сказали мне: «Михаил Сергеевич, Европа мертва и будет мертва до тех пор, пока не забурлит русский котел».

Я тогда ответил Горбачеву: «Но они же не сказали вам, что должно вывариваться в этом котле. А ну как там вместо вкусного борща выварится нечто адское?»

Горбачев ответил: «Отшучивайся, сколько влезет. Я тебя проинформировал».

И тут произошло главное. То, ради чего я описываю подробно все привходящие обстоятельства. Один из советников Михаила Сергеевича, очень глубоко вписанный в международную интеллектуальную элиту и при этом, в отличие от ряда других советников Горбачева, явно симпатизировавший всему советскому, воскликнул, обращаясь ко мне: «Поймите, они ушли! Ушли, понимаете? Нам не удалось их удержать. Теперь мы накрыты куполом. И в силу этого можем только оптимизировать агонию человечества. Уже не будет тех высших взлетов, о которых вы говорите. Всё кончено. Они ушли, и началась агония. И задача в том, чтобы она имела максимально безболезненный характер. В этом наша гуманистическая задача, другой задачи нет и не может быть».

Всё это говорилось страстно и на полном серьезе. Человек, говоривший это, не был маргинальным фантазером, он был абсолютно психологически устойчив и достаточно рационален. И он, конечно, озвучивал не только свою позицию.

Михаил Сергеевич быстро перевел разговор в другое русло. И он, и другие участники разговора явно были шокированы откровенностью и страстностью, с которой была изложена концепция «купола». На меня этот монолог о куполе произвел самое серьезное впечатление — прежде всего потому, что мне было ясно: в этом монологе излагается позиция определенной, очень авторитетной элитной группы. Причем группы, обладающей отнюдь не только интеллектуальными возможностями. Группы, скажем так, существенно интегрированной в формирующуюся глобальную власть.

Альфред Шулер (второй слева) и Людвиг Клагес (третий слева). 1902

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

1992 год... Гайдаровское безумие... Распавшаяся страна, терзаемая межнациональными конфликтами... Криминальный беспредел... Короче говоря, существенно аномальная реальность вполне сочеталась с аномальностью монолога о куполе. Так что впечатление на меня произвел и сам монолог, и его сочетание с реальностью. Находясь под сильным впечатлением, я могу обнаруживать то, что ищу, не за счет обычных рациональных процедур, а за счет интеллектуального инсайта. Придя домой, я почему-то вытащил из шкафа книгу Карла Ясперса «Смысл и назначение истории». Открыв ее наугад, я прочел:

«Однако и этих факторов — Просвещения, Французской революции и немецкого философского идеализма — недостаточно для понимания духовной ситуации нашего времени. Более того, они часто представляются нам не столько причиной кризиса, сколько первыми его порождениями. Жгучий, не получивший убедительного решения вопрос: как же возникло неверие, по-прежнему стоит перед нами. В постановке этого вопроса сквозит надежда, что правильный ответ на него позволит нам победить неверие.»

Подобная надежда была бы совершенно нереальной, если бы известные метафизические истолкования исторического процесса, а тем самым и причин нашего положения соответствовали истине. Согласно этим концепциям, век полной безысходности является следствием утраты субстанции. Мыслится некий неудержимый глобальный процесс, сущность которого в конечном итоге определена следующими словами Клагеса: в 80-х годах сущность Земли покинула нашу планету».

Далее Карл Ясперс, конечно же, называет такую позицию Клагеса неопределенной и потому неприемлемой. Никак иначе Ясперс, претендовавший на высочайший статус в мировой философской элите, чужающейся всего эзотерического, позицию Клагеса охарактеризовать бы не мог. Но, охарактеризовав ее таким образом, Ясперс тут же начинает по сути повторять Клагеса, говоря о том, что «идея некоего недоступного нам тотального процесса всё время преследует нас», и что процесс этот «не явление природы, аналогичное биологическим процессам... а всеобъемлющее, внутри которого мы осуществляем наше познание, но которое мы не познаем. В нем тайна мировой истории, тайна, которую мы углубляем, но не раскрываем».

Мне представляется далеко не бессмысленным рассмотрение сведений и о Карле Ясперсе, который более чем знаменит, и о Клагесе, которого Ясперс упоминает.

Карл Ясперс (1883–1969) — один из самых выдающихся философов XX века. Он представитель немецкого экзистенциализма. Ясперс вначале изучал юриспруденцию в лучших университетах Германии, потом занялся медициной, получил степень доктора медицины, работал в психиатрических лечебницах и одновременно преподавал психологию в самом лучшем в тогдашней Германии знаменитом Гейдельбергском университете.

Ясперс достаточно быстро перешел от занятий психологией к занятиям философией. Он стал знаменитым после выхода в свет его книги «Психология мировоззрений». Вскоре Ясперс становится профессором философии в Гейдельбергском университете. Он тесно взаимодействует с кружком Макса Вебера, в который входят Эрнст Блох, Георг Зиммель и Георг Лукач.

Столь же плотно Ясперс взаимодействует и с Мартином Хайдеггером. Однако приход нацизма к власти в Германии приводит к разрыву между Ясперсом и Хайдеггером. Хайдеггер, хотя и в малой

Альфред Шулер

степени, но сближается с нацизмом, а Ясперс отвергает такое сближение и по этой причине разрывает с Хайдеггером. Тем не менее Ясперс остается в Германии. Его лишают звания профессора и права преподавать, он пишет в стол, постоянно балансируя на грани ареста.

После 1945 года Ясперс приобретает особое значение в философской жизни Германии. Ясперс — один из самых выдающихся и самых признанных философов XX века. Он крайне ценит этот свой статус. И никогда бы не осмелился цитировать Клагеса без серьезных на то оснований. Но кто же такой Клагес?

Людовиг Клагес (1872–1956) — выдающийся немецкий психолог и философ, один из представителей философского направления, которое вошло в историю философии под названием «философия жизни». Ясперс в молодости слушал лекции Клагеса. В отличие от Ясперса, Клагес был очень популярен в Третьем рейхе. Но это не помешало его авторитету в постнацистской Германии. В 1952 году в условиях денацификации правительство ФРГ праздновало восьмидесятилетие Клагеса.

Ясперс явно находится под интеллектуальным гипнозом Клагеса и одновременно борется с этим гипнозом. Сам же Клагес, чей наиболее известный трехтомный труд «Дух как противник души» издавался в преднацистский период и скептически воспринимался нацистскими бонзами, находился под глубоким влиянием главного немецкого идеолога космизма — Альфреда Шулера.

Альфред Шулер (1865–1923) — видный представитель немецкого оккультизма. Шулер — гностик, причем не только фило-

Жерар д'Анкосс (Папюс)

софский, но и мистический. Он обуреваем видениями. Его называли одним из последних немецких катаров. С Клагесом Шулер познакомился в 1893 году. В 1897 году Клагес вводит Шулера в кружок, который, ознакомившись с идеями Шулера, стал называться мюнхенским кружком космистов. Начиная с 1899 года Шулер переписывался со знаменитым в мистических кругах французским оккультистом Папюсом (1865–1916). Папюс имел очень высокий статус в оккультных кругах. Он очень ценил этот статус. Но в своей переписке с Шулером Папюс называет Шулера «господин и мастер», что говорит о высочайшем статусе Шулера.

Известно, что Шулер трудился над трактатом о значении свастики как символа космистов. Этот трактат должен был стать его диссертацией, но работа так и осталась незаконченной. В одном из своих докладов Шулер писал: «Ни мужчина, ни женщина. Всё породил один. Никто из существующих не породил света. Никто не повеял ветром... Из него жизнь катится золотыми спиралями. Широко вращающейся свастикой».

В 1904 году космический кружок распался. Причиной этого распада была неготовность Шулера и Клагеса сотрудничать с теми космистами, которые, по мнению Шулера и Клагеса, слишком очевидным образом связывали себя с сионизмом. Что касается Шулера, то он считал, что евреями управляет «ужасный Кронос, который всегда разрушал Вселенную». И что борцы с евреями — это дети Зевса, которые должны дорасправиться с Кроносом и его еврейскими слугами.

В 1912 году, после смерти матери, Шулер остается без средств к существованию. Он ищет и находит богатых спонсоров, интересующихся оккультными вопросами. Такими спонсорами становятся, в частности, издатель Хуго Брукман и его жена Эльза Брукман, одна из первых почитательниц и спонсоров Адольфа Гитлера.

Шулер и Гитлер встречаются в салоне Эльзы Брукман. Ряд исследователей настаивает на том, что именно Шулер был первым мистическим наставником Адольфа Гитлера. Только ранняя смерть Шулера помешала ему превратиться в полноценного гуру Гитлера.

В 1940 году Клагес издает рукописи Шулера, который для Клагеса навсегда остался почитаемым учителем. Клагес верил в то, что Шулер является буквальным новым воплощением одного из римлян эпохи Империи. Он утверждал, что Шулер является собой «несомненный пример возврата ранее уже жившего свидетеля жизни».

Благодаря Шулеру Клагес поверил в реальность мифических сил. А также в реальность губительного «вампирического вторжения духа» в уничтожаемую

духом живую жизнь. Такое вторжение, по мнению Клагеса, является вторжением субъекта в ненавидимую субъектом субстанцию. В результате вторжения силы, питавшие субстанцию энергией, покидают субстанцию. И она начинает гибнуть, причем ее почитатели могут только содействовать тому, чтобы эта гибель была для субстанции как можно менее мучительной.

Я никоим образом не свожу весь нынешний глобальный процесс, явно приводящий к образованию этого самого купола со всеми вытекающими из его наличия последствиями — к деятельности Ясперса, Клагеса, Шулера и других. Но, отвергая подобное конспирологическое зауживание происходящего, нельзя не задаваться вопросом о том, откуда же взялся этот купол со всеми его терзающими нас практически и духовными производными.

Два слова об этих производных. Представим себе, что возможна какая-то рациональная концепция купола. Базирующаяся, например, на отчуждении человека от человеческой сущности. Той сущности, которую по-разному описывали не только мистики, но и к мистике не сводимые философы — экзистенциалисты, марксисты... Разве Маркс не говорил о духовной смерти как результате отчуждения от родовой сущности?

Если есть купол, то человечество внутри него начинает защищаться от нехватки, скажем так, «сущностного» (в первом приближении, смыслового) кислорода.

В таких условиях люди, принадлежащие к категории № 1, просто приучаются (или их приучают) жить при дефиците такого кислорода, оставаясь как бы людьми (конечно же, духовно мертвыми, но людьми).

Люди, принадлежащие к категории № 2 (постмодернисты называют их «постлюдьми»), мутируют, обзаводясь системой жизнеобеспечения, не требующей данного метафорического кислорода. Они, образно говоря, обзаводятся смысловыми жабрами или приучаются дышать смысловым азотом. Мне кажется, что Горбачев подобной способностью обладал и обладает.

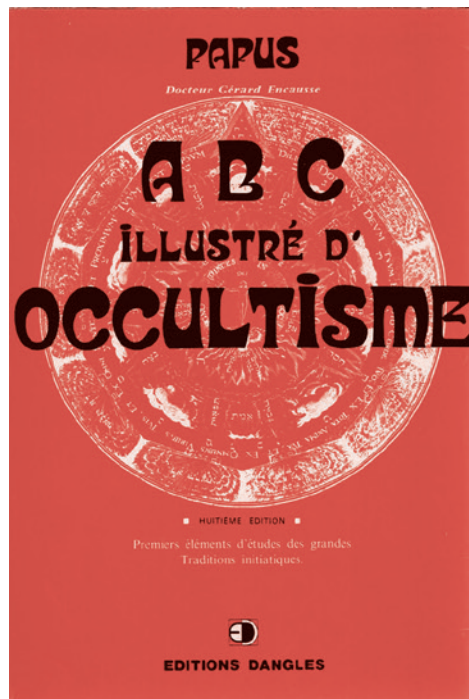
Люди, принадлежащие к категории № 3, задыхаясь от недостатка такого метафорического кислорода и не приспособившись к его отсутствию, сходят с ума, кончают с собой.

А люди, принадлежащие к категории № 4, пытаются пробить купол и обзавестись этим самым кислородом. Поскольку купол обладает способностью реагировать на такие пробоины, закрывая их, то пробивать купол приходится всё время. И делать это в одиночку, конечно же, невозможно.

При всей условности введенной мною метафоры купола, мне представляется, что именно эта метафора позволяет объяснить очень и очень многое. В том числе и чудовищно бессмысленную пенсионную реформу. А также нарастающую иррациональность нашей системы, кооптацию в эту систему особого контингента людей, духовно мертвых, и постлюдей. Причем со временем начнут преобладать именно последние.

Для тех, кто не потерял способность к стратегической оценке ситуации и стратегическому же реагированию на нее, моя модель купола далеко не бесполезна. Поскольку именно на ее основе возможно соединение практического политического реагирования на разные безобразия и стратегического ответа на стратегический вызов.

Сергей Кургинян

Обложка одной из книг Папюса

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Юрий Высоков

Творчество Сталина

Юношеские стихи

Существует немало примеров крупнейших исторических личностей, писавших стихи, обладавших музыкальным, живописным или другим художественным даром. Известны стихи царя Соломона, Ричарда Львиное Сердце, Фридриха Великого, духовные стихи, написанные Иваном Грозным. На Востоке традиция сочинения стихов правителями сохранилась даже в XX веке. Великолепные произведения принадлежат Мао Цзэду. Впечатляют своей искренностью стихи вьетнамского революционера Хо Ши Мина.

В некоторых случаях авторство стихотворений становится предметом серьезных споров. Так, специалисты не прекращают обсуждать единственное известное стихотворение Юлия Цезаря.

Несомненно, все эти политические лидеры, писавшие стихи, являлись личностями, обладавшими, если так можно выразиться, не только выдающимися историко-политическими, но и культурными способностями. И это признается как теми народами, которые считают этих личностей выразителями своего духа, так и мировой общественностью, включая те ее слои, которые должны дать профессиональную оценку качеству художественного творчества тех или иных крупнейших исторических личностей, чьей основной деятельностью является вовсе не такое культурное творчество, а творчество историческое.

Есть одна личность, по отношению к которой это правило не действует. Такой личностью является Сталин. Ни интеллигенция той страны, с которой он связал свою судьбу и которая связала свою судьбу со Сталиным, ни народ этой страны, на разных исторических этапах то поклонявшийся Сталину, то проклиная его, откликаясь на призывы и суждения своей интеллигенции, ни мировая общественность, включая профессионалов в той сфере, где Сталин проявлял свои параллельные неполитические способности, никогда не признавали очевидного — того, что Сталин обладал и незаурядными художественными способностями, и уникальной памятью, и особыми интеллектуальными данными, и широчайшей образованностью.

Почему это не привлекало настоящего общественного внимания ни в годы, когда Сталина прославляли как самого великого гения всех времен и народов, ни в последующие периоды? Потому что в эпоху апологетики восхваление разносторонней гениальности Сталина носило холуйски-гротескный характер и либо отторгалось теми, кто ухмылялся: «Да-да, конечно, он еще и самый главный зоолог, химик и инженер», либо принималось как нечто естественное: «Разумеется, товарищ Сталин выше Гёте и Моцарта, а также Менделеева, Эйнштейна и всех остальных».

Когда период апологетики завершился, наступило время поношения с его заказом на образ Сталина. Согласно этому заказу Сталин должен быть не только кровавым тираном, но и серой бездарностью. Работавшая перед ним интеллигенция, помня о своем раболепстве, сводила счеты и выполняла сначала заказ Хрущева, которому до разреза нужно было и с политической, и с психологической точки зре-

Молодой Сталин. 1913

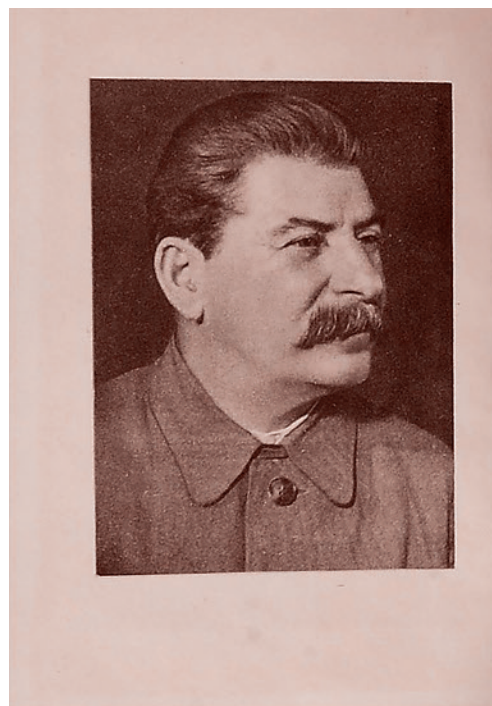
ния показать, что Сталин был ничтожным: а ну как покажешь его в натуральную величину, и тебе скажут: «А ты-то, дядя, кто такой, в чем твои достижения, твой масштаб, твоя широта?»

Потом этот же заказ транслировали в так называемую гуманитарную интеллигенцию Горбачев и Ельцин, которым нужен был ничтожный в интеллектуальном и культурном смысле Сталин — безграмотный серый недоучка-семинарист, — для того чтобы не рушился миф о постыдности сталинщины.

Такой же заказ транслировался с Запада, потому что именно Запад был главным заказчиком мифа о всеобъемлющем ничтожестве и демонизме Сталина. Без этого мифа нельзя было бы демонтировать Советский Союз и развалить его.

В период после развала СССР постсоветской власти и ориентированной на нее интеллигенции нужна была дальнейшая эскалация того же мифа о не только демоничности, но и ничтожности Сталина. Этот миф нужен был для того, чтобы не допустить каких-либо вариантов демонтажа власти со ссылкой на возможность возвращения к благому советскому периоду. Власти надо было доказывать народу, что в советском периоде не было ничего благого, что всё было ничтожно и ужасно одновременно. И что если попытаться вернуть тот период, пересмотрев залоговые аукционы или что-нибудь другое, то мгновенно вернется ужас сталинщины, со всей ее кровавостью и ничтожностью.

Всё это в совокупности не позволило даже через десятилетия после краха СССР осуществить важнейшее и обязательное осмысление определенных сторон личности Сталина — в том числе и оценку тех слагаемых этой личности, которые могут быть простейшим образом объективированы на основе имеющегося материала. А таким материалом, явно не подвергавшимся изуверской деформации и фильтрации, были свидетельства о неполитическом творчестве Сталина. И потому, что этот материал был предъявлен обществу до начала нещадного переделывания образа Сталина под те или иные заказы (ранние стихи Сталина были опубликованы, когда он был совершенно безвестен), и потому

Обложка и титульный лист биографии Сталина, написанной Е. Ярославским. 1939

что именно и только политическое творчество находилось в центре внимания тех, кто формулировал заказы на ту или иную деформацию образа Сталина. Но почему даже сейчас этот материал не рассмотрен внимательно и объективно? Потому что у Сталина до сих пор нет права на эту объективность. Потому что Сталин до сих пор является не исторической фигурой, а чем-то другим — против него ведется яростная идеологическая война, накал которой свидетельствует о том, что мертвец жив и опасен с политической точки зрения.

Налицо еще и дополнительные обстоятельства, не позволяющие дать объективную оценку того потенциала Сталина, который находится за рамками политики, которой Сталин посвятил свою жизнь. Эти обстоятельства таковы.

Первое. Сталин проявлял себя в сфере неполитического творчества очень недолго — до того, как стал профессиональным революционером. Более поздние проявления тех же творческих способностей были эпизодическими и потому не были предметом рассмотрения. Сталин сам не хотел, чтобы его роль в улучшении переводов поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» не только обсуждалась, но даже признавалась. И в каком-то смысле он был прав, поскольку, однажды выбрав сферу деятельности, надо полностью погрузиться в нее.

Второе. Молодой Сталин писал стихи по-грузински. Поди еще, разберись, хороши они или нет: грузинский язык не английский — его мало кто знает, его специфика непонятна большинству тех, кто способен что-то оценивать. А интеллектуальное грузинское меньшинство очень не любило Сталина за его слишком явную симпатию к русским и недостаточное, как казалось этому меньшинству, покровительство, оказываемое своим. А также за то, что грузинская элита подвергалась сталинским репрессиям как минимум не меньше, чем элиты других народов СССР, — а ведь мог бы помочь своим, побережь их. Так нет же.

Итак, грузины замалчивали всё, что связано с поэзией Сталина, из-за глубокого возмущения тем, что Сталин недооценивал своих (отсюда, кстати, и настойчивое же-

вание определенной части грузинского общества представить Сталина как осетина, еврея или даже армянина). А негрузинское население СССР или, точнее, культурное меньшинство этого населения, профессионально обязанное оценивать качество творчества того или иного поэта, невзирая на приводящие обстоятельства, отмахивалось, ссылаясь на то, что поди еще там, разберись с этим грузинским языком.

Конечно, это была филологическая уловка, потому что в Советском Союзе были круги, занимавшиеся и древней, и поздней грузинской поэзией. Скажем так, и творчеством Руставели, и творчеством Важи Пшавелы. Переводились, причем с придыханием, очень многие грузинские шедевры: как настоящие, так и искусственно раздуваемые. Но факт этой уловки очевиден.

Третье. Сталин проявлял творческие способности достаточно скупо. Стихов Сталина мало. Его иные творческие способности не стали достоянием широкой общественности, грузинской в том числе.

Четвертое. Эти способности проявлялись в эпоху фактически предреволюционную. Вскоре революционные бури вытеснили из жизни Грузии, да и всей Российской империи то, что касается тех или иных национальных культурных инноваций. Стало как бы не до этого.

Но, конечно же, решающие обстоятельства не в том, что только что перечислено, а в том, что сказано выше. В уникальной антиобъективности по отношению к Сталину, имеющей разные, вышеперечисленные причины. Дополнительные обстоятельства мы указываем только для полноты картины.

Необходимость относительно подробного рассмотрения культурного творчества Сталина вытекает и из морального императива, и из существа нынешней общественной ситуации.

В современном российском обществе запрос на объективную оценку Сталина носит, вопреки всему вышеописанному, скажем так, ненулевой характер. Да, вторичная апологетика Сталина, возникшая как желание противодействия опозорившим себя элитным группам, поносившим Сталина, часто необъективна (засилье

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

информации из интернета, культурный регресс, участие в политической войне не только про-, но и антисталинских групп явно не способствуют объективности). Но внутри этой сталинской неоапогетики можно уловить и нечто, похожее на желание действительно понять, кем же все-таки был этот столь необъективно всеми оцениваемый явно очень крупный политик.

Творчество Сталина позволяет существенно расширить наши возможности объективного ответа на этот вопрос, и потому оно должно быть рассмотрено по возможности тщательно. Притом что, как мы убедимся, и тут объективные данные о творчестве Сталина соседствуют с разного рода мифами.

Важнейшим проявлением творческой одаренности Сталина является его поэтическое сочинительство. С него мы и начнем.

Стихи Сталина, написанные им в период с середины 90-х гг. XIX столетия по 30-е гг. XX века, долго не были широко известны. В большую часть официальных биографий сведения о том, что юный Джугашвили писал стихи, не вошли. Широкая аудитория впервые узнала об этом из биографии, написанной членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Емельяном Ярославским и изданной в 1939 г. — к 60-летию юбилею Сталина. В этой книге, изданной большим тиражом, Ярославский привел строки из стихотворения Сталина «Луне».

Тогда же, к юбилею советского руководителя, 21 декабря 1939 г., в тбилисской газете «Заря Востока» вышла статья некоего Н. Николаишвили «Стихи юного Сталина». Автор этой статьи сообщил

о шести стихотворениях, опубликованных Сталиным в молодости. Пять из них были напечатаны в июне-декабре 1895 г. в журнале «Иверия» за подписью И. Джугашвили (И. Джугашвили), а затем — Сосело (уменьшительное от имени Иосиф). Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 г.

В 2002 г. в книге «Легион «белой смерти» — сборнике документальных рассказов, посвященном контрразведке и изданном под редакцией главы Центра общественных связей ФСБ Василия Ставицкого, вышла статья поэта Льва Котюкова «Забытый поэт Иосиф Сталин»¹³⁹. В этой статье сообщалось, что в 1949 г. по инициативе А. П. Берии была предпринята попытка втайне от Сталина издать его стихи в подарочном оформлении на русском языке. Издание планировалось приурочить к 70-летию Сталина. По сведениям Котюкова, для подготовки такого издания под строжайшим секретом были привлечены лучшие переводчики, в том числе поэты Арсений Тарковский и Борис Пастернак. Биографы Тарковского утверждают, что поэт получил в это время в ЦК несколько десятков стихотворений¹⁴⁰ для перевода.

В 2004 г. в США в журнале «Вестник русско-американской жизни» вышла статья писателя Виктора Кузнецова «Поэты Тарковский и Джугашвили»¹⁴¹. В этой статье называлось точное количество стихотворений Сталина, полученных Тарковским для перевода, — 22. При этом данные, сообщаемые В. Кузнецовым и биографами Тарковского, не совпадают. По сведениям последних, Тарковский перевел 7 стихотворений, а не «два с половиной»¹⁴². Расходятся не только сведения о количестве стихов, но и сведения

по поводу того, как именно Арсений Тарковский получил задание по работе со стихами Сталина. Кузнецов, в отличие от биографов Тарковского, сообщает, что Тарковский получил свое задание не от сухого функционера в кабинете на Старой площади, а от главного редактора «Правды» Петра Поспелова на кремлевском банкете, куда Тарковского специально привезли.

Если в статье Котюкова в качестве предполагаемых переводчиков Сталина указан помимо Тарковского еще Борис Пастернак, то у Кузнецова к ним добавляются поэты Александр Ойслендер и Павел Антокольский. Кузнецов, как бы не обращая внимания на фамилию Пастернака, подчеркивает, что Антокольский был привлечен к переводу, несмотря на «пятый пункт» (еврейскую национальность).

Не прекращаются споры и о том, когда юный Сталин начал писать стихи. Близкий друг детства Сталина, его одноклассник по училищу и Тифлисской духовной семинарии Петр Капанадзе вспоминал, что тот начал писать стихи во втором классе семинарии — то есть в 1895 г., в 16 лет (если считать, что Сталин родился в 1879 году). Другой же друг детства Джугашвили, Георгий Елисабедашвили, рассказывал о том, что Сталин «часто писал экспромтом и товарищам отвечал стихами»¹⁴³. Елисабедашвили приводил письмо-стихотворение, написанное Сталиным для друга в 1894 году. Надо полагать, что юный поэт начал писать за несколько лет до 1895 года, так что к этому году ему уже удалось подготовить ряд стихотворений для публикации.

Как рассказывал Капанадзе, Сталин понес свои стихи в редакцию газеты «Иверия» «по настойчивому требованию товарищей»¹⁴⁴. Главный редактор газеты, крупнейший грузинский поэт и писатель князь Илья Чавчавадзе хорошо принял юношу и с большим одобрением отнесся к его стихам: «Сосо рассказал, что Чавчавадзе принял его приветливо, при нем читал стихи, а когда в конце кончил читать, подошел, дружески положил ему на плечо руки и сказал:

— Вы написали хорошие стихи, молодой человек»¹⁴⁵.

Надо добавить, что Илья Чавчавадзе был тогда кумиром молодого поколения, одним из духовных лидеров Грузии.

Номер газеты «Иверия» от 14 июня 1895 года, в котором впервые опубликовали стихотворение Сталина, семинарские друзья Джугашвили передавали из рук в руки. Стихотворение по-русски звучало бы так:

*Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.*

*Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:*

*«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебою, друзья,
Прославьте Родину свою!»*

Или так:

*Рядом с фиалкой-сестрой
Алая роза раскрылась.
Лилия тоже проснулась
И ветёрку поклонилась.*

*В небе высоко звенели
Жаворонка переливы,
И соловей на опушке
Пел вдохновенно, счастливо:*

*«Грузия, милая, здравствуй!
Вечной цвети нам отрадой!
Друг мой, учись и Отчизну
Знаьем укрась и обрадуй!»¹⁴⁶.*

Илья Чавчавадзе

Надо отметить, что на данный момент существует два книжных издания русских переводов сталинских стихов. Одна книга, «Сталин И.В.: Стихи. Переписка с матерью и родными», вышла в 2005 г. в Минске и с тех пор выдержала четыре переиздания. Переводы стихов Сталина также включены в книгу мемуаров его матери Екатерины Джугашвили «Мой сын Иосиф Сталин», вышедшую в 2013 г. в Москве. Лучшие переводы в обеих книгах не подписаны, установить их авторство нам не удалось.

Свои переводы опубликовал и Лев Котюков в уже упоминавшейся статье «Забытый поэт Иосиф Сталин», а также в 2017 году — грузинский филолог Дали Ивериели в своей книге «Литературная деятельность Иосифа Сталина». Переводы Котюкова и Ивериели значительно хуже по качеству, чем те, что были изданы в Минске.

Стихи юного Сталина безусловно являются высокопрофессиональными и талантливыми. Специалисты находят в сталинской лирике отголоски не только собственно грузинской и русской поэзии, но и персидской, и византийской.

Так, «цветочные» образы, такие как в стихотворении «Утро», весьма характерны для персидской поэзии. Фиалка и роза соседствуют в стихах Омара Хайяма:

*Фиалка нищая склоняет лик, а роза
Смеется: золотом полна ее сума.*

В персидской поэзии роза и соловей также часто оказываются рядом. У того же Хайяма читаем:

*...и соловей
На тайном языке взывает к бледной розе:
«Красавица, вина пурпурного испей!»*

Добавим, что именно из восточной поэзии в период средневекового арабского завоевания тема розы и соловья перешла в поэзию европейскую. Однако у сталинских стихов явно были и более близкие, восточные, источники.

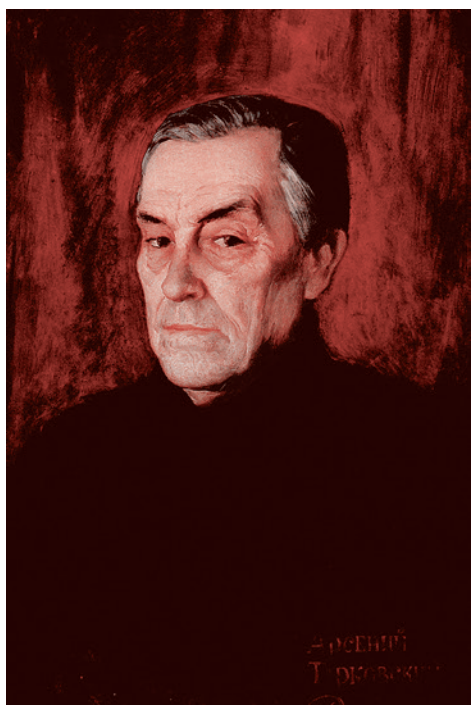
О благодатности родного края писали и Илья Чавчавадзе, и авторы его круга: Акакий Церетели, Рафаэл Эристави и другие. Вот, например, из Церетели:

*Бирюзовый, изумрудный
Край родимый, край живительный!
Я больной к тебе вернулся,
Будь отрадой мне целительной.*

Одновременно сталинские строки вызывают в памяти и строки из лермонтовского «Мцыри»:

*И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаясь врагов...*

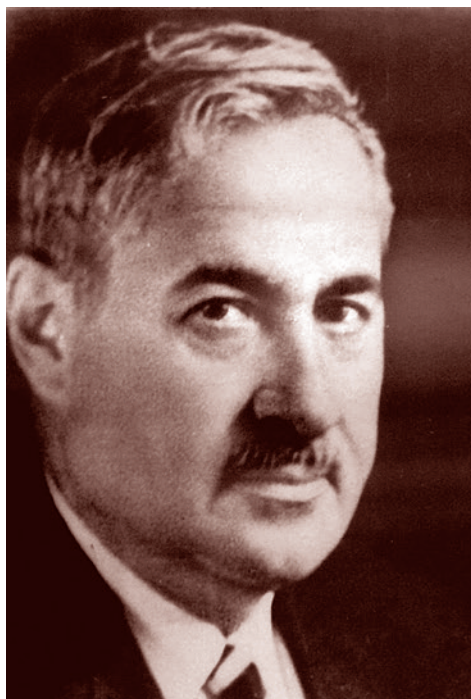
Продолжение на стр. 6

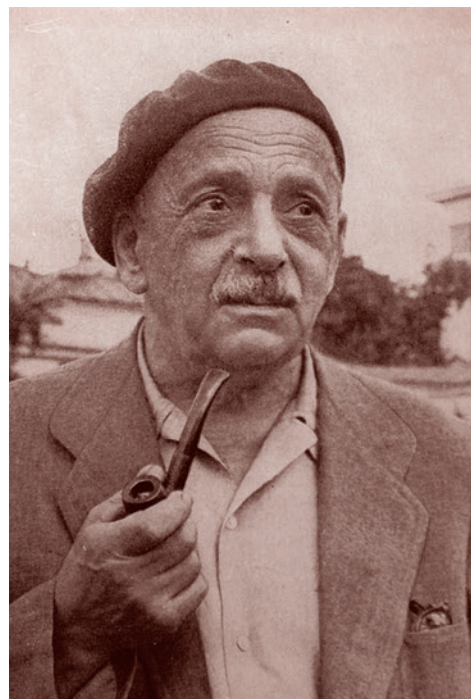
Юрий Рахша. Портрет Арсения Тарковского

Борис Пастернак

Александр Ойслендер

Павел Антокольский

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–5

При этом лирика нужна автору не сама по себе, а для призыва к прославлению родной земли. Стихотворение «Раскрылся розовый бутон...» вошло в грузинский букварь, несколько раз переиздававшийся в советские годы. Обратим внимание на очевидное, но часто игнорируемое обстоятельство, которое состоит в том, что очень высокие оценки стихов Сталина были даны большими ценителями задолго до того, как Сталин стал лидером Советского государства. И потому эти оценки никак нельзя списывать на желание оценщиков понравиться всевышнему отцу народов.

Будучи горийскими школьниками, Сталин и его друзья зачитывались книгами Ильи Чавчавадзе, Александра Казбеги, Важи Пшавелы. Эти авторы яро отстаивали самобытность Грузии. Джугашвили прочитал к тому моменту Пушкина и Лермонтова, к которым, по словам Петра Капанадзе, школьная компания относилась восторженно, а также Некрасова и других русских поэтов. В компании юного Сталина особенно любили стихи и поэмы русских классиков о Кавказе: «Мцыри» Лермонтова, «Кавказский пленник», «Обвал» и «Кавказ» Пушкина.

22 сентября 1895 года князь Чавчавадзе напечатал в своей газете «Иверия» стихотворение Джугашвили «Луне», в котором важное место занимает гора Мтацминда — место, где находится некрополь, в котором захоронены грузинские герои:

*Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.*

*К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.*

*Но твердо знай, кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.*

*Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.*

*Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.*

Отметим близость этого стихотворения как с лирикой Лермонтова, так и со стихами Чавчавадзе, исполненными сходного патриотического чувства:

*В туманном блеске лунного сиянья,
В глубоком сне лежит мой край родной.
Кавказских гор седые изваянья
Стоят вдали, одеты синей мглой.*

*Какая тишь! Ни шелеста, ни зова...
Безмолвно спит моя отчизна-мать.
Лишь слабый стон средь сумрака ночного
Прорвется вдруг, и стихнет всё опять...*

*Стою один... И тень от горных кряжей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! всё сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?*

Стихи Чавчавадзе переводил крупнейший русский поэт Н. Заболоцкий, так что сравнивать поэтический уровень переводов в данном случае не вполне корректно. При этом сложно не отметить, что в стихотворении Сталина сильнее уверенность в грядущем справедливом историческом воздаянии.

Став свидетелем в 1892 году казни двух крестьян в Гори, отомстивших за погубление князем Амилахвари невесты од-

ного из них, Сталин, по воспоминаниям, сказал: «Мы и за них расплатимся»¹⁴⁷. Наверное, в том числе и об этих людях писал он в своем стихотворении, говорившем о признании в будущем героями тех, кто ныне «повержен в прах и угнетен». Опять-таки, лирика здесь существует не сама по себе. Она нужна автору для того, чтобы заявить о своей вере в восстание несправедливо угнетенных.

Уже упоминавшийся однокашник Сталина по училищу и семинарии Петр Капанадзе вспоминал, как легко Сосо находил общий язык с крестьянами. При этом, по воспоминаниям Капанадзе, в юности большое впечатление на Сталина произвела повесть Эгната Ниношвили «Гогия Уишвили»¹⁴⁸, героя которого, бедного крестьянина, избивают за недоимку.

Тяжелая правда крестьянской жизни впечатляла крупнейших мыслителей, таких как Лев Толстой или немецкий философ Мартин Хайдеггер. У крестьян нет времени на отвлеченное — только на труд, необходимый, чтобы обеспечивать свою жизнь. Да и ремесленникам, в окружении которых вырос Сталин, было некогда впадать в задумчивость. Однако именно в этой народной среде таятся великие силы.

О тяжелой участи крестьян Сталин упоминал в другом своем стихотворении — посвящении известному грузинскому поэту, драматургу, этнографу и общественному деятелю князю Рафаэлу Эристави.

*Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.*

*Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.*

*Когда, Отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.*

*С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.*

*Певца Отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корня,
Теперь ты жатву пожинай.*

*Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.*

Особый упор в этом посвящении Эристави, опубликованном 29 октября 1895 года и в целом отсылавшем к пушкинскому «Памятнику», делался на тему служения народу. Отметим, что эта тема весьма часто встречалась и в стихах Чавчавадзе:

*...У всевышнего престола
Сердце я зажгу, как факел,
Чтоб всегда служить народу,
Путь торя ему во мраке.*

*Чтобы стать народу братом,
Другом в счастье и в печали,
Чтобы мне его страданья
Мукой душу обжигали...*

Получивший образование в Петербурге Чавчавадзе, последователь Белинского и Чернышевского, написал много подобных стихов, характерных для его круга. Вот, например, стихотворение другого крупного грузинского поэта Акакия Церетели:

Изображение Шоты Руставели на фреске в Иерусалиме

*Я беру мою чонгури,
Чтобы правде послужила,
Чтоб она, встречая бури,
Мысль на бой вооружила.*

.....

*Чтобы песня осушила
Слезы тысяч угнетенных,
Угнетателей сразила
Целой тучей стел каленых.*

Отметим, что образный ряд в стихах Сталина гораздо богаче, чем у Чавчавадзе и Церетели. Даже в переводе хорошо ощущается музыкальность сталинских стихов, насыщенных образными эпитетами. При этом лирический сюжет развивается очень драматично.

К примеру, «спокойные» первые два четверостишья в сталинском стихотворении «Луне» сменяются угрожающе-напряженными строками о повергнутых в прах. После чего следует затишье, которое еще сильнее, чем предыдущее, нарушается финальным лирическим выплеском.

«Раскинувшаяся сонно» земля, склоняющаяся «с улыбкой нежной», и играющая «бледными лучами» луна, сломленный «злою сединой» крестьянин... Мы видим у Сталина образный ряд, отсылающий к поэзии Байрона, Пушкина, Лермонтова и других поэтов-романтиков XIX века.

При этом экспрессия в стихах раннего Сталина — «колыбельная» Казбеку, льды, «стремящиеся ввысь», «раскрытая» навстречу луне грудь — напоминает, в частности, лермонтовского «Мцыри»:

*...И в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкала быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар.*

Можно, конечно, сказать, что Сталину повезло с переводчиком, но, наверное, ничто созвучное великой русской и мировой поэзии не составило бы в пустом месте.

В 1899 году сталинское посвящение Эристави вошло в сборник к юбилею поэта. А спустя 8 лет это стихотворение будет опубликовано в книге «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской словесности», изданной крупнейшим филологом и деятелем грузинской культуры Мелитом Келенджеридзе. Перед этим Келенджеридзе опубликовал два стихотворения Сталина в своей книге по теории словесности. В этой книге творчество Джугашвили использовалось в ка-

честве примеров стихосложения наряду с работами классиков грузинской литературы от Руставели до Казбеги. «В те давно минувшие годы я и не представлял себе, что эти вполне зрелые стихи написаны 16-летним юношей»¹⁴⁹, — вспоминал позже Келенджеридзе.

25 декабря 1895 г. Илья Чавчавадзе опубликовал в газете «Иверия» пятое стихотворение Сталина:

*Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.*

*А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.*

*Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.*

*Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.*

*Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

Существует еще два перевода, в чем-то (но по-разному) более близкие к оригиналу.

Перевод Ф. Чуева¹⁵⁰:

*Он бродил от дома к дому,
словно демон отрешенный,
и в задумчивом напеве
правду вещую берег.*

*Многим разум осенила
эта песня золотая,
и оттаивали люди,
благодарствуя певца.*

*Но очнулись, пошатнулись,
переполнились испугом,
чашу, ядом налитую,
приподняли над землей*

*и сказали: — Пей, проклятый,
незабвенную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.*

И перевод А. Котюкова¹⁵⁰:

*Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.*

*В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.*

*Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.*

*Но люди, забывшие бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.*

*Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

Сталин, еще будучи 15-летним юношей, хорошо понимал, какова будет неизбежная плата за мечту.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Конечно, тема гонимого пророка существовала и в грузинской, и в мировой (в частности в романтической) поэзии издревле. Сталинское стихотворение напоминает лермонтовского «Пророка». К 9 годам выучивший русский язык и буквально поглощавший русскую классику, любивший Лермонтова Сталин, естественно, знал это стихотворение.

Не меньше параллелей у сталинского стихотворения и с Некрасовским «Пророком»:

*Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.*

Чаша в сталинском стихотворении явно отсылает к той чаше мученичества, которую принял за человечество Христос. Подобную чашу, в понимании юноши, к тому моменту уже состоявшего в семинаристском марксистском кружке, должен будет испытать и боец за народное дело.

Нельзя не отметить, что при всех стихотворных параллелях сталинское стихотворение глубоко самобытно, лирично и исполнено большой внутренней силы.

Публикацию следующего стихотворения юного Сталина «Старик Ниника» 28 июля 1896 года в марксистской газете «Квали», издании идейных противников почвеннической «Иверии», некоторые исследователи связывают с разрывом Джугашвили с Ильей Чавчавадзе. (Предполагается, что Чавчавадзе отказался печатать это стихотворение. Иногда также утверждается, без всяких на то оснований, что разрыву сопутствовало наставление юному поэту перестать писать стихи.) «Квали» издавал писатель и поэт, поклонник Белинского, Добролюбова и Чернышевского Георгий Церетели. Опубликованное в этой газете стихотворение Сталина звучит так:

*Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.*

*Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.*

*По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.*

*А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит...
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.*

*А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.*

*На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загораются на миг.*

Тут единственным лекарством от беспощадной старости оказывается «песня вольного труда». По всей вероятности, в этом стихотворении уже отразились созревающие марксистские убеждения Сталина. Обращает на себя внимания и недюжинная сила героя — человека из народа: его серп — «неистов», по полю он проходит «шквалом». Соединение в образе Ниники неистовой, почти сверхчеловеческой силы и смиряющей эту силу слабости, особое значение «песни вольного труда» в преодолении старческой слабости — всё это новые для Сталина темы. Они в каком-то смысле скорее созвучны уже не лирике Лермонтова, а поэзии Некрасова.

Наиболее ранним стихам молодого Сталина присущ грузинский почвеннический пафос с его основными лейтмотивами: судьба родины, несправедливость как испытание и восстание против нее, жизнь поэта и героя в народной памяти, сокровенность этой памяти и всего народного бытия. Находится место и для национально-освободительной темы, которая входит в грузинский почвеннический набор актуальных тем. Очевидна также и достаточно быстрая идейная эволюция Сталина от почвенничества к марксизму. Эта эволюция осуществлялась стремительно. Уже в 1904 году в статье Сталина «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» содержался призыв ко всем социалистам империи уничтожить национальные перегородки, а не обеспечивать национальные самобытности.

В упоминавшейся нами статье Л. Котюкова приводится история о том, как одному из вызванных ЦК переводчиков дали почитать сталинские стихи, не сообщив, кто их автор. Переводчик заявил, что эти стихи достойны Сталинской премии. Мнение переводчика Арсения Тарковского приводят его биографы: «Ужаснее всего, что описаны Сталина Арсению понравились. Это были вполне достойные стихи, с романтической окраской, с благородными порывами и нежными признаниями... Стихи юноши, влюбленного в мир»¹⁵⁰.

Западные исследователи в оценке стихов молодого Сталина колеблются между признанием его таланта и поиском каких-то патологий.

Так, британский литературовед и историк Дональд Рейфилд отмечает, что стихотворения Сталина — это произведения «не по годам развитого юноши, стихи, написанные умело, хотя и небезупречно. Они много говорят о темпераменте, побуждениях, культуре молодого Сталина»¹⁵¹. Сталинские стихи «весьма бесхитро и беззаботно раскрывают его мысли — редкое явление в сталинской речи, устной или письменной», считает ученый. При этом Рейфилд ссылается на неких психиатров, обнаруживших в стихах «символы депрессии и болезненной мнительности, как луна и яд»¹⁵². «Любимые глаголы молодого поэта указывают на склонность к насилию: бешать, разить, схватить, выхватить. В лирике Джугашвили есть интересная вертикальная перспектива — сверху вниз, от «ледников луны» через «распростертые руки в «ямы» — так он изображает метания от мании к депрессии», — рассуждает Рейфилд. В стихотворении «Пророк» исследователь увидел, как «прежняя тень тревоги становится ... маниакальным убеждением, что великих пророков ожидает лишь травля и убийство»¹⁵³.

Нетрудно убедиться в том, что перечисленные Рейфилдом образы и способы их сопряжения характерны для всех романтиков, которые тогда, наверное, должны быть — в логике Рейфилда — одинаково заподозрены в депрессии и болезненной мнительности. В ней же, в силу этой логики, можно заподозрить и автора «Песен Соломона», и величайших восточных поэтов, таких как Омар Хайям. Так что вряд ли интерпретация Рейфилда может убедить кого-либо из тех, кто знаком с мировой так называемой меланхолической лирикой. Известно также, что характер творческого самовыявления далеко не всегда совпадает с личностным психотипом. Авторы страшных черных романтических стихов иногда и впрямь бывали меланхоликами, а иногда демонстрировали завидное психологическое здоровье.

Тем не менее и Рейфилд, и явно идущий по его стопам известный английский историк Саймон Монтефиоре, признавая образованность и поэтический дар молодого Сталина, навязывают концепцию, согласно которой ранние стихи Сталина объясняют его «навязчивый, разруши-

тельный интерес к литературе в бытность диктатором». И одновременно с этим, скрипя зубами, признают, что, если бы Сталин захотел сделать поэзию делом своей жизни, то он бы многого добился на этом поприще. Следом за таким признанием, конечно же, следуют сожаления по поводу того, что Сталин выбрал другую судьбу. «Поэзия — еще один талант, который мог бы направить его на другой путь и увести от политики и кровопролития»¹⁵⁴, — сетует Монтефиоре.

Существует свидетельство, согласно которому Сталин сказал одному своему другу в последние годы учебы в семинарии: «Я потерял интерес к сочинению стихов, потому что это требует всего внимания человека, дьявольского терпения. А я в те дни был как ртуть»¹⁵⁵. В то же время священник Касьян Гачичеладзе, на которого ссылаются некоторые западные исследователи, упоминал о своей встрече со Сталиным в 1905 году, в ходе которой тот якобы называл себя поэтом и читал ему свои стихи¹⁵⁶.

Исследователи отмечают, что, хотя после семинарии Сталин перестал писать стихи (по крайней мере, публикаций больше не было), он часто использовал в своих речах и статьях литературные образы и поэтизированный стиль. Например, в прокламации ЦК РСДРП, написанной им в апреле 1912 года по случаю Первого мая, говорится, что рабочие отмечают свой праздник, «когда природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость обновления, а природа предаётся пляске и ликованию»¹⁵⁷.

Поэтический талант Сталина, безусловно, сказался и на специфике его политического языка, и на его политическом мировоззрении. Что же касается того, что этот талант может сообщить нам что-либо по поводу сталинских патологий, то этот тезис и наивен, и тенденциозен. Потому что творчество — это не реализация патологий, а преодоление патологий даже в том случае, если они имеются. Неизвестно, имелись ли они в случае Сталина. Но зато хорошо известно, как преодолевали собственную болезненность в акте творчества такие гении, как Федор Михайлович Достоевский.

Другие юношеские творческие увлечения

Музыкальные способности также отличают некоторых крупных исторических деятелей. Так, Иван Грозный исполнял свои духовные стихи, а Фридрих Великий славился великолепной игрой на флейте. О вокальных способностях Сталина вспоминали многие.

Например, друг детства Сталина Петр Капанадзе, выпустивший свои мемуары в позднюю сталинскую эпоху, что и явно придало им сусально-апологетический оттенок, писал: «Во время прогулок Сосо пел, и мы любили слушать его необыкновенно чистый и нежный голос.

Соберемся вокруг него и хором поем наши любимые песни:

«Точу, точу тебя, мой серп железный...»

Или еще:

«Лети, черная ласточка...»¹⁵⁸

Мать Сталина Екатерина (Кеке) Джугашвили в своих воспоминаниях рассказывала, что маленький Иосиф любил музыку. Братья Кеке хорошо играли на грузинском народном духовом инструменте саламури, пели дуэтом. «Сосо радовался безмерно»¹⁵⁹, — вспоминала мать.

О том, что Сосо хорошо поет, знали ребята из соседних селений.

Поступив в духовное училище, юный Сталин стал петь в хоре и делал это блестяще. Благодаря талантливому педагогу Симону Гогличидзе, хор славился на весь уезд. Сосо пел и в хоре, и дуэтом, и соло. При этом он не только пел, но и оказывал воздействие на репертуар хора. Благодаря его настойчивости и убедительности хору разрешили исполнять светский репертуар и, в частности народные песни. Когда Джугашвили окончил училище, руководитель хора, прочивший ему будущее певца, сетовал, что не может найти достойную замену.

Однокурсник по Тифлисской духовной семинарии и друг Сталина, регент хора семинаристов Георгий Елисабедашвили утверждал, что Сосо не просто хорошо пел, но и заменял его, дирижируя хором.

Так получилось, что умение петь позже пригодились Сталину в политической борьбе. Вот какую историю приводит французский писатель Анри Барбюс в своей биографии Сталина: «В Баку, на похоронах рабочего Хаилифа, убитого по указанию администрации завода, оркестр заиграл перед мечетью похоронный марш. Околочный распорядился прекратить музыку. Тогда товарищ Коба организовал из рабочих два хора, — один шел впереди гроба, другой — позади, и оба пели революционный похоронный марш прямо в лицо, прямо в уши полиции. Ей все-таки удалось остановить пение. Тогда Коба предложил рабочим свистеть, — протяжный, заунывный свист продолжил мелодию песни. Остановить этот новый оркестр уже никому не удалось, и траурная демонстрация приняла грандиозные размеры»¹⁶⁰.

А вот что рассказала Елизавета Тарасева, наблюдавшая Сталина в туруханской ссылке: «Был Иосиф Виссарионович веселым. Как только соберут вечерку, так и его приглашают... и везде он участвовал. Ходит, бывало, по берегу и поет:

*Уж я золото хороню, хороню.
Чисто серебро хорошо, хорошо.*

И т. д.

А голос у него хороший.

Петра моего учил плясать. Снимет свои сапоги и скажет: «Ну-ка, Петя, попляши у меня»¹⁶¹.

О голосе Сталина сохранились воспоминания его дочери Светланы Аллилуевой и его соратника Вячеслава Молотова. Согласно их сведениям, певческий и речевой голос у Сталина сильно отличались. Аллилуева пишет: «Отец ... пел, у него был отличный слух и высокий, чистый голос (а говорил он, наоборот, почему-то глуховатым и низким негромким голосом)»¹⁶². Молотов рассказал о задушевных застольных песнопениях с участием Сталина, Ворошилова и его самого¹⁶³.

Сталин, написавший в одной из своих ранних статей, что наука не подтвердила существование народного духа, тем не менее всю жизнь провел, сосуществовая с проявлениями этого духа в актах полноценного культурного творчества. Прежде всего, поэтического и музыкального. Но и не только.

Сталин обладал еще и особыми способностями к рисованию. Сохранились воспоминания друзей Сосо по семинарии, в которых говорится, что Сосо поразил их своими портретами. «Иосиф научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей»¹⁶⁴, — вспоминал друг детства Сталина, священник из Гори Петр Капанадзе. Хозяину книжного магазина, в который часто ходил Джугашвили, портрет настолько понравился, что тот хотел купить его. Мальчик отдал портрет просто так и получил в ответный дар две книги.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–7

Впоследствии Сталин иногда рисовал во время съездов и заседаний. Вот, например, как он шаржево изобразил Бухарина (?) на XII съезде партии¹⁶⁵ в апреле 1923 г. (см. рис. внизу)

А вот, предположительно, средневековый испанский профиль, нарисованный зрелым Сталиным в учебном пособии по истории Иловайского (см. рис. справа).

Сталин также обладал актерскими способностями. Зная Иосифа в детстве Александр Хаханавили вспоминает: «В одно время мы были увлечены театром и принимали участие в спектаклях, которые устраивались любителями сцены. Я помню Сосо в роли маленького сапожника в водевиле «Ни туда, ни сюда». Нужно сказать, что 13–14-летний Сосо прекрасно исполнял эту роль. Кружок любителей сцены, состоявший главным образом из учащихся, устраивал спектакли не только в Гори, но и в других местах. Сосо принимал активное участие в устройстве спектаклей в Цхинвалах»¹⁶⁶.

Как мы видим, молодой Джугашвили — человек с разносторонним художественным даром, одаренный в поэзии, живописи, пении, актерской игре. По его стихам и рисункам видно, что он был страстен, умен и одарен.

При этом советский лидер совсем не стремился сделать свое юношеское творчество достоянием широкой общественности. Возможно, под тем же предлогом, под которым он запретил в конце 30-х годов постановку булгаковского «Батума»: «Все дети и все молодые люди одинаковы...»¹⁶⁷ Образ молодого Сталина, Сталина-революционера, никогда по-настоящему не транслировался в массы. А в тех случаях, когда он начинал транслироваться, как, например, в воспоминаниях его друзей в 30-е годы, революция, сопровождавшая этот образ, оказывалась выхолощенной, «безопасной». И всё это происходило не без согласия самого Сталина... Возможно, патка и нужна была для того, чтобы реального Сталина перестало быть видно? Очевидно, мудрый «отец народов» безопасен молодого революционера, мятежный образ которого уже не нужен был позднему Сталину.

Поздние стихи — реальные и приписываемые

Знаменитая поэма Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре» сопровождала Сталина всю жизнь. Впервые строки из нее он услышал от отца. В семинарии Сосо тайком доставал и читал «Витязя...» на занятиях. Лучший друг Сталина Камо вспоминает, что, говоря о самоубийстве знакомого революционера и его возлюбленной, тот приводил в пример героев этой поэмы: рыцари Автандил и Тираэл в тяжелых испытаниях преодолевают разлуку с любимыми женщинами, однако любовь не сводит их с ума, а придает сил¹⁶⁸. Сталин позже цитировал поэму Руставели и в своих политических текстах, например в брошюре «Коротко о партийных разногласиях», написанной в 1946 г. Такое отношение объясняет, почему, став советским руководителем, он не оставил без внимания переводы «Витязя...».

На 1937 г. было запланировано празднование 750-летия поэмы, в связи с чем начали готовиться ее русские переводы. «Витязь в тигровой шкуре» перевели поэты Николай Заболоцкий, Георгий Цагарели, Наполеон Петренко (перевод так и не был закончен). Об этих работах с самого начала знали «наверху». Параллельно переводчик Шалва Нуцубидзе начал в 1937 году свою работу, прерванную из-за того, что Нуцубидзе арестовали.

В письме Нуцубидзе к директору тбилисского института литературы имени Ш. Руставели Александру Барамидзе, в ин-

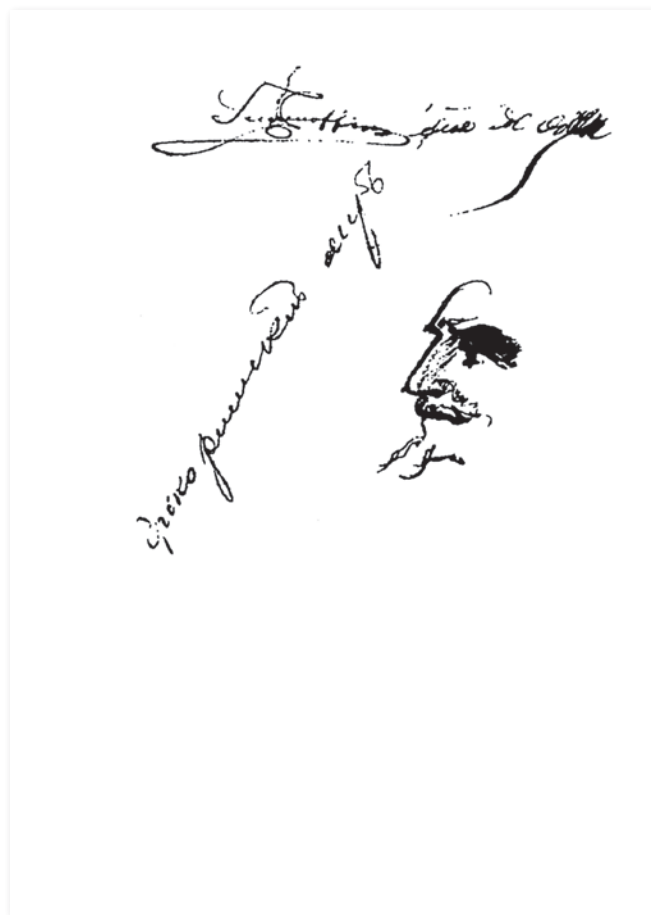

Рисунок и надписи Сталина пером на страницах учебника Д. Иловайского «Средняя история». Москва, 1874

тервью самого Нуцубидзе и в воспоминаниях его супруги находит подтверждение необычная история¹⁶⁹. На одном из допросов у переводчика спросили, не хочет ли он продолжить свою работу. После этого Нуцубидзе начал отдавать листы со своим переводом и... получать их обратно с некоторыми правками. Вскоре его освободили с обязательством завершить работу. Когда она была закончена, Нуцубидзе получил письмо от Сталина:

«До последнего времени я думал, что лучшим переводом Руставели является перевод Петренко. Ознакомившись с переводом Нуцубидзе, я считаю, что он лучше перевода Петренко. Мне не понравилась только строфа 1416. Она должна быть более действительна. Я изменил в ней кое-что, и получилась следующая штука:

Вдруг коней вперед рванули, засвистели
плети мигом,
Кони врзались, весь город огласился
воям, визгом —
С трех сторон втроем ворвались, поне
слися буйно, с гиком,
Гром атаки, бой литавров вмиг
смешались с воплем, с криком.

Если Нуцубидзе это подойдет, пусть он ее напечатает. Если нужно, пусть он ее озвучит.

Во всяком случае, хорошее надо заметить лучшим».

Это, пожалуй, единственные известные стихотворные строчки, написанные Сталиным на русском языке. И они достаточно выразительны. Правки, которые получал Нуцубидзе, тоже делал Сталин.

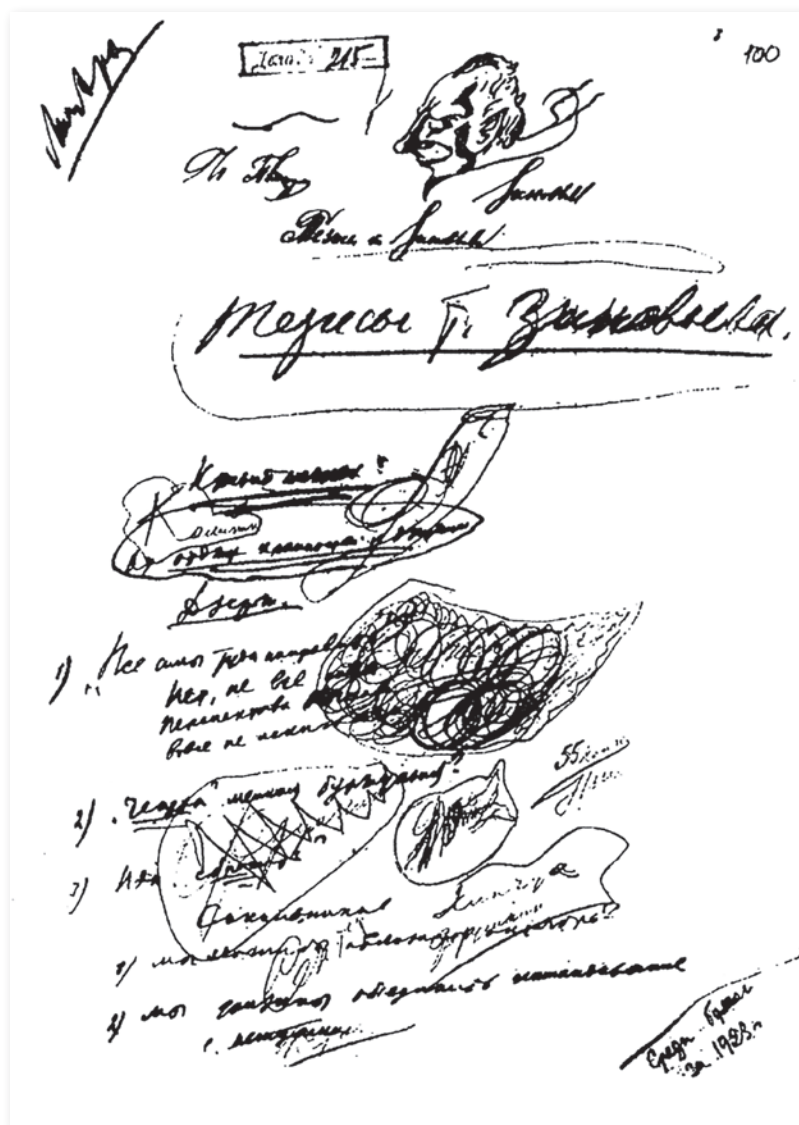
Сталину удалось ухватить манеру Нуцубидзе и сочинить вполне яркую строфу для перевода (была ли эта правка единственной — остается загадкой). При этом промежуток между последним опубликованным стихотворением Сталина и написанием строфы для перевода «Витязя...» составляет более 40 лет... Но, возможно, что в эти годы Сталин все-таки что-то писал? На этот счет имеется свидетельство родственницы поэта Бориса Пастернака Галины Нейгауз¹⁷⁰.

По словам Нейгауз, как-то в 30-е годы Сталин позвонил Пастернаку и попросил оценить некоторые стихотворения, написанные его другом, утаив от него тот факт, что автором стихов является он сам. Пастернак ответил, что стихи плохие, и добавил, что лучше бы его друг занимался своим делом, «если оно у него есть». Помолчав, Сталин сказал: «Спасибо за откровенность, я так и передам!» и больше уже никогда не возвращался к этой теме. Пастернак якобы догадывался, чьи это были стихи и после своего ответа даже ждал, что его посадят, однако ничего подобного не произошло. Переводчик Дали Ивериели предполагает, что речь могла идти о русских переводах Сталина, либо о неких стихах, написанных им по-русски. «В таком случае нужно отдать должное скромности И. Сталина, столь беспрекословно принявшему строгий приговор своему русскому творчеству», — резюмирует исследователь¹⁷¹.

Возможно, что в 30-е годы Сталин и впрямь продолжал испытывать потребность писать стихи и что у него действительно были стихотворные опыты на русском. Заниматься стихотворным творчеством на неродном языке ему могло быть непросто. Однако исправленная Сталиным строфа из Шота Руставели противоречит утверждению Нейгауз о плохом стихоплетстве.

Перевод строфы из «Витязя...» был не единственным известным случаем позднего литературного творчества Сталина. Достаточно достоверная история связана с созданием гимна СССР.

Автор гимна поэт Сергей Михалков рассказал в мемуарах, опубликованных журналом «Огонек», о подробностях своей первой встречи на тему гимна с соратником Сталина Климом Ворошиловым: «Перед маршалом на столе лежит отпечатанная в типографии книга в красной обложке. В ней собраны все варианты будущего Гимна СССР, представлен-

Профиль политического противника (возможно, Бухарина) из-под пера Сталина. 1923

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ные на конкурс десятками авторов. На 83-й странице закладка: наш текст с пометками Сталина»¹⁷².

По словам Михалкова, маршал ему заявил: «Но вот посмотрите замечания товарища Сталина. Вы пишете: «Свободных народов союз благородный» (видимо, речь о первой строчке гимна — прим. «Огонька»). Товарищ Сталин делает пометку: «Ваше благородие?» Или вот здесь: «...созданный волей народной» (третья строчка гимна — прим. «Огонька»). Товарищ Сталин делает пометку: «Народная воля?» Была такая организация в царское время. В гимне всё должно быть предельно ясно. Товарищ Сталин считает, что называть его в гимне «избранником народа» не следует, а вот о Ленине сказать, что он был «великим»¹⁷³.

Михалков вспоминал и о своей личной встрече со Сталиным, на которой присутствовал также соавтор гимна — поэт Габриэль Эль-Регистан. По словам Михалкова, Сталин сделал пометки в первоначальном варианте и попросил составить новый текст гимна непосредственно в Кремле. После доработки Сталин добавил в третий куплет слова о «захватчиках подлых». При этом он явно внес какие-то серьезные коррективы в первоначальный текст авторов, которые Михалков не раскрывает. Однако если сравнить тексты начального и конечного вариантов, то можно убедиться, что Сталин как минимум значительно скорректировал третий куплет.

В воспоминаниях Эль-Регистана говорится о том, что Сталин заменил строку «Нам Ленин в грядущее путь озарил» на «И Ленин великий нам путь озарил» из-за вполне здравого соображения, что слово «грядущее» могут не понять в деревне¹⁷⁴.

В архиве имеется первоначальный текст куплетов Михалкова и Эль-Регистана. Выделим полужирным курсивом слова, совпадающие с утвержденным вариантом, а обычным курсивом — позже измененные:

*Свободных народов союз благородный
Сплотила навеки великая Русь.
Славься созданный волей народной,
Единый, могучий Советский Союз!*

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
Нам Ленин в грядущее путь озарил,
Сталин — вождь и избранник народа
На труд и победы страну вдохновил.*

*Мы сами добились великого счастья
В упорном труде и кровавом бою.
Знамя мира в руках нашей власти,
Мы все защищаем отчизну свою.*

Итоговая версия гимна СССР, передававшаяся по радио в ночь 31 декабря 1943 года, звучала так:

*Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!*

*Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность
народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!*

*Мы армию нашу растили в сраженьях.
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!*

Как мы видим, Сталин существенно доработал гимн. При этом, как и в случае с переводом «Витязя в тигровой шкуре», отказавшись от указания себя как редактора или соавтора.

А теперь о стихах, очевидным образом приписываемых Сталину.

Шалва Нуцубидзе (в центре). 1967

В 2002 году в уже упоминавшейся нами книге по истории спецслужб «Легион «Белой смерти» был опубликован свободный перевод стихотворения, предположительно написанного пожилым Сталиным. Этот перевод выполнил уже знакомый нам полковник, глава Центра общественных связей ФСБ Василий Ставицкий. «Лишь одна рукописная страница из архива свободного перевода с грузинского, сделанная кем-то в черновом варианте примерно в 1952 году, позволяет судить о позднем поэтическом творчестве И. Сталина»¹⁷⁵, — утверждал Ставицкий.

Послушники

*Поговорим о вечности с тобою:
Конечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбою,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.*

*Он не давал ни сна мне, ни покоя,
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенного настроя,
Железной волей управлял страной.*

*Кем был мой тайный, высший повелитель?
Чего хотел он, управляя мной?
Я словно раб, судья и исполнитель —
Был всем над этой нищей страной.*

*И было всё тогда непостижимо:
Откуда брались силы, воля, власть.
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионств страсть.*

*И лишь потом, весною, в 45-м,
Он прошептал мне тихо на ушко:
«Ты был моим послушником, солдатом
И твой покой уже недалеко!»*

Налицо желание приписать Сталину веру в то, что им руководила некая высшая сила. Была ли у Сталина эта вера — непонятно. Может быть, и была. Но несомненно другое — что у определенных элитных советских и постсоветских групп, спецслужбистских в том числе, имело место упорное желание определенным образом трактовать образ Сталина, превращая Сталина из революционера во врага революционеров и чуть ли не в реставратора царской империи.

Ровно такой же образ навязывали Сталину и при жизни, и после смерти самые разные эмигрантские группы: от троцкистских, которые именовали Сталина сразу и русским термидорианцем, и русским Бонапартом, удушителем социалистической революции, — до белоэмигрантских, которые навязывали тот же образ со знаком плюс, восклицая: «Ура, нашелся, наконец, удушитель пакостной революции, реставратор авторитаризма, восстановитель патриархии, тайный белогвардеец и фанатик православия!»

Наличие этой тенденции и явные различия между сталинским стилем, известным по стихам, чьим автором, несомненно, является Сталин, и этим стихотворением, притом что в творческом плане эти различия ну уж никак не свидетельствуют о зрелости имевшегося у Сталина таланта, делают сомнительным сталинское авторство в случае стихотворения «Послушники». Поскольку в случае Сталина очень многое может быть отнесено только к разряду сомнительного, то полностью отвергнуть версию, согласно которой это стихотворение написано Сталиным, нельзя. Но эту версию надо признать крайне маловероятной.

Маловероятной, кстати, ее делает и то, что это стихотворение было написано на грузинском языке. Дочь Сталина Светлана Аллилуева, другие мемуаристы и исследователи отмечают как само собой разумеющееся, что с годами Сталин всё более забывал грузинский язык. Причем настолько, что не только не писал на нем, но и читал и говорил уже с трудом.

Добавим, что неопределенность с возможными стихотворными черновиками позднего Сталина возникла еще и благодаря неразберихе с его архивами.

Охранники Сталина рассказывали, как на следующий же день после его смерти все его вещи были вывезены с дачи в Кунцево по поручению Берии. Потом обстановку восстанавливали и готовили к открытию музей, так и не открытый до сих пор.

Специалисты также говорят о следах изъятий в сталинском фонде архива Президента РФ¹⁷⁶.

Трудности с поиском сталинских стихотворений понять можно. Однако неразбериха подчас для того и нужна, чтобы ей кто-нибудь воспользовался.

*То, что сказано Платоном, не забудь, о Ростеван:
«Вслед за телом губят душу двоедушье и обман».*

...

*Если друга я забуду, то под бременем стыда
Как лицом к лицу в надмирном мире встречу с ним тогда?*

...

Человек трусливый сходен со стафухой, ткущей тканьь.

*Раздари мои богатства, пусть сойдутся все на зов:
Сделай бедных богачами, отпусти моих рабов,
Обеспечь несчастных сирот, нищих, немощных и вдов.
Будет каждый одаренный помянуть меня готов.*

Культурные предпочтения Сталина

Антисталинисты разными способами пытаются выставить Сталина зашоренным, ограниченным, недалеким человеком, за которым шла соответствующая зашоренная, недалекая элита и тупые массы. Кто-то говорит об узости сталинского образования и убогости его культурных предпочтений, кто-то выбирает с целью дискредитации наиболее одиозные проявления сталинской культурной политики. Кто-то, как филолог Михаил Вайскопф, надергивает отдельные вырванные из контекста фразы из его статей и речей и заявляет о его косноязычии.

В реальности высокий уровень культуры советского лидера не вызывает сомнений. При этом сделать выводы о его культурных предпочтениях не так просто. О молодом Сталине в этом смысле очень мало сведений. Когда же он становится крупным политиком, то размышляет о культуре с позиций сначала политической борьбы, а затем — государственного строительства. Здесь его личный вкус и осознаваемый им тот или иной интерес могут либо совпадать, либо частично расходиться, либо же и вовсе — расходиться полностью.

Тем не менее с уверенностью можно сказать, что Сталин не потерял некую тонкость и душевные качества, пройдя тяжелейший путь революционера. Он был чуток к искусству, в его высказываниях чувствуется понимание непростых художественных проблем. Конечно, культурную политику Советского государства во многом определяла личность советского руководителя. И Сталин, по сути, приобщивший народ к дворянской культуре, стремился задавать высокие культурные образцы и противостоять безвкусице и низкопробным тенденциям.

Грузинская литература

В детстве большое влияние на Иосифа оказал кавказский фольклор. С ним мальчика знакомили родители: не только мать, но и отец, рассказывавший ему о народном герое-разбойнике Арсене. Друг детства Сталина Георгий Елисабедашвили передавал в своих воспоминаниях слова Сосо: «После того, как научился читать и писать, — говорит Сосо, — я кинулся на произведения Ал. Казбеги, Рафаила Эристави, Ильи Чавчавадзе, Лермонтова, Пушкина, я прочел немало книг... Я был еще ребенком, когда отец, любясь со мной и развлекая меня, рассказал мне о жизни крестьянского героя — Арсена из Марабды. Он народное стихотворение об Арсене знал наизусть, и я неплохо тоже его изучил».

Ребенку, с детства погруженному в стихию народной культуры, легко было увлечься знакомыми мотивами — чести, долга, справедливости — и в художественной литературе.

Любимой поэмой юного Сталина, как уже упоминалось, становится грузинская эпическая поэма «Витязь в тигровой шкуре», написанная Шота Руставели в XII веке. Позже, в семинарии, Сталин в подлиннике познакомится с Платоном, на чьи морально-философские установки ссылается автор «Витязя...». Как говорится в этой поэме:

Рыцарь Автандил завещает своему царю Ростевану:

Продолжение на стр. 10

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–9

Как в грузинских народных сказаниях и легендах, так и в «Витязе...», и в грузинских поэмах и романах XIX века славная смерть лучше позорной жизни, а личные заслуги человека — важнее знатного происхождения.

Петр Капанадзе рассказывал, что Сталин в детстве с увлечением читал книги, в том числе героический роман «Караманиани» и другие сказки о героях: «Сосо очень нравились героические сказки, и я думаю, что именно сказки воспитали в нем любовь к книгам»¹⁷⁷.

А сын крестного отца Сталина Михаила Цихитатришвили Александр вспоминал, как Сосо, будучи гораздо более начитанным, чем другие дети, рассказывал им сказки перед сном. Помимо легенд о богатыре Амирани и героях «Караманиани», мальчика особенно впечатляла история выдающегося средневекового грузинского полководца Георгия Саакадзе.

Одним из самых популярных произведений в годы детства Сталина в Гори была поэма Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Читая эту поэму, ребята соперничали старику, отцу Како, которого избивал помещик, и испытывали восторг, когда Како убивал этого помещика.

Месть ради восстановления справедливости является и основной темой романа Александра Казбеги «Отцеубийца». Главный герой этой поэмы — честный разбойник Коба. Возлюбленная его побратима Иаго, Нуна, была опорочена коварным злодеем Гирголой. Нуну обманом выдали замуж, превратив в наложницу, а затем ложно обвинили в убийстве отца и казнили. Коба мстит за Нуну. В конце романа он, единственный оставшийся в живых из героев, уходит в вольную Чечню.

Друг детства Сталина в Гори, его одноклассник по духовному училищу Иосиф Иремашвили, рассказывал об отношении Сосо к герою романа Казбеги: «Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел бы стать вторым Кобой. <...>

Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой»¹⁷⁸.

В 1903 г., находясь в Кутаисской тюрьме, Сталин начнет подписывать псевдонимом «Коба» письма к своим соратникам. После этот же псевдоним будет появляться и под его статьями. Партийная кличка «Коба» продержится за Сталиным 10 лет и станет наиболее известной.

Наряду с романом Александром Казбеги, в круг чтения юного Сталина входили книги других грузинских авторов, близких к Илье Чавчавадзе, — таких, как Акакий Церетели, Яков Гогешавили, Важа Пшавела. Все они входили в национально-просветительское движение «Пирвели даси» («Первая группа»).

Многие десятилетия спустя в беседе с кинорежиссером Михаилом Чиаурели Сталин прокомментировал то, что в СССР Чавчавадзе был подзабыт: «Ошибка. История, аналогичная с отношением ко Льву Толстому. А Ленин говорил, что до этого графа никто так правдиво не писал о мужике. Не потому ли мы проходим мимо Чавчавадзе, что он из князей? А кто из грузинских писателей дал такие страницы о феодальных взаимоотношениях помещиков и крестьян, как Чавчавадзе? Это была безусловно крупнейшая фигура среди грузинских писателей конца XIX и начала XX века»¹⁷⁹.

Уже став советским руководителем, Сталин внимательно следил за творчеством крупнейших представителей грузинской культуры: например, писателя Константи́на Гамсахурдиа, чей роман «Десница великого мастера» он испещрил пометками, кинорежиссера Михаила Чиаурели, снявшего ряд фильмов с народными сюжетами (в том числе целых две картины об Арсене) и сюжетами на темы грузинской истории.

Е.Ц. Церетели. Иллюстрации к поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре». XVIII в.

Святое Писание

Отец Сталина знал наизусть некоторые стихи из Библии. Мать была набожной женщиной. Священное Писание Сосо отчасти знал еще до поступления в Горийское духовное училище, где он стал одним из лучших учеников. И в семинарии, даже когда его успеваемость упала, и он начал конфликтовать с начальством, молодой Сталин вряд ли относился ко всем занятиям без интереса. В его текстах видно знание Библии. Само сталинское изложение мысли, ее ясность и структурированность, имеет черты богословского стиля. Для Сталина характерно стремление добиваться достоверной, «устной» интонации даже в письменной речи, делить текст на пункты, подавать текст в форме вопросов-ответов. Тяга к политической схоластике у Сталина достаточно очевидна. Это касается, в том числе, его трактовки ленинских текстов, образа Ленина, ленинизма как учения. Во всем этом ощущается нечто, заимствованное из религиозного способа изложения мысли, религиозного представления об аргументации.

Некоторые исследователи небезосновательно сравнивают сталинскую риторику с риторикой апостола Павла. Павел говорил: «Неужели доброе сделалось смертоносным? Никак. Что же скажем? неужели неправда у Бога? Никак (Рим. 7:7,13; 9:14)». А вот Сталин: «Я вовсе не хочу сказать, что партия наша тождественна с государством. Нисколько»¹⁸⁰ (Речь на XII съезде РКП(б), 1923 г.); «Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества. Не значит ли это, что мы тем самым беремся разжигать классовую борьбу? Нет, не значит»¹⁸¹ (Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. — вопросы и ответы).

В «Итогах первой пятилетки» советский руководитель явственно развернул евангельское «И последние станут первыми» (напомним, что к этим же евангельским словам отсылала и строка из «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем»):

«В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. <...>

Все это привело к тому, что из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский Союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности»¹⁸².

Тема веры и неверия — важнейшая для Сталина. К примеру, в докладе «К итогам работы XIV конференции РКП(б)» он говорил о том, что западноевропейские рабочие не верят книгам и приезжают на советские заводы, чтобы «убедиться в способности пролетариата создавать новое общество»¹⁸³. Речь идет об обретении веры через лицемерие некоего чуда, а не через рассказы о нем.

Историческое значение прошедшего в 1925 г. XIV съезда ВКП(б), по Сталину, заключалось в том, что этот съезд «отбросил прочь неверие и хныканье»¹⁸⁴.

А на XV партийной конференции 1926 г. Сталин обращал внимание на то, что некоторые части партии, испугавшись трудностей, «заражаются неверием в творческие силы пролетариата»¹⁸⁵.

В получившем известность выразительном некрологе Георгию Тели Сталин называл соратника по партии «апостолом революционного марксизма»¹⁸⁶ и отмечал у него «апостольский дар»¹⁸⁷. Этот же дар, безусловно, был и у самого Сталина.

Русская и зарубежная литература

В Тифлисе Сталин, уже усвоивший к тому моменту русскую классику, познакомился с современной ему литературой — революционно-демократической и реалистической. Окно в этот новый для него мир открыла ему «дешевая библиотека» бывшего народника Имедашвили.

Одноклассник Сосо по семинарии Георгий Глуржидзе рассказывал, что любимыми русскими авторами молодого Джуга-

швили были Белинский, Писарев, Толстой, Чехов и Короленко. А друг юности Сталина Георгий Иремашвили, эмигрировавший в 20-х годах в Европу, вспоминал: «Тайно, на занятиях, на молитве и во время богослужения, мы читали «свои» книги. Библия лежала открытой на столе, а на коленях мы держали Дарвина, Маркса, Плеханова и Ленина...»¹⁸⁸

В тифлисской «дешевой библиотеке» Сталин также мог брать книги Гюго, Золя, Шиллера, Шекспира, Ги де Мопассана, Бальзака, Теккеря.

Говоря со своим другом и соратником Камо о месте любви в жизни революционера, Джугашвили советовал Камо прочесть роман Чернышевского «Что делать?». Герой романа Чернышевского революционер-аскет Рахметов, как и герой романа Виктора Гюго «Девяносто третий год» священник Симурден, оставивший сан ради революции, были персонажами, сильно впечатлившими Сталина.

За чтение «Девяносто третьего года» и романа Эмиля Золя «Жерминаль», призывавшего к восстановлению социальной справедливости, семинарист Сталин был надолго отправлен в карцер. Наказания, конечно же, не могли сломить Сталина, очевидным образом обладавшего крайне сильным и строптивым характером. Но они накладывали определенный отпечаток на его личность.

Организовавший забастовку семинаристов Ладо Кецховели, которого юный Джугашвили считал своим наставником, позже писал о его годах в семинарии, омраченных, в том числе и этими наказаниями: «Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал»¹⁸⁹.

Помимо Маркса и Энгельса Джугашвили познакомился в семинарские годы с философией Фейербаха, Бокля, Спинозы и с некоторыми научными трудами, такими как «Происхождение человека» Чарльза Дарвина и «Древность человека» Чарльза Лейлла.

В архиве имеется запись помощника инспектора Мураховского от марта 1897 года: «В 11 часов вечера мною отобрана у Джугашвили Иосифа кни-

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

га «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой библиотеки». В книге и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой библиотеки» названный ученик замечается уже в тринадцатый раз»¹⁹⁰.

В будущем в своих выступлениях Сталин будет искусно пользоваться образами из Салтыкова-Щедрина, Гоголя и Чехова.

Так, давая в 1936 г. отчетеве немецким журналистам, пренебрежительно отзывавшимся о проекте новой Конституции СССР, Сталин сравнил их с щедринским самодуром из «Сказки о ретивом начальнике...». Этот самодур, наведя в своей области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, обнаружил на горизонте Америку, где есть какие-то свободы. И, возмущившись, выпустил постановление закрыть однажды открытую землю:

«Этим господам СССР давно уже намозолил глаза. <...> Что это за страна, вояют они, на каком основании она существует, и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? <...>

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, всё же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя:

«Но, кажется, сие от меня не зависит». Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыт» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...»¹⁹¹

На собрании избирателей Сталинского округа г. Москвы советский руководитель говорил о плохих кандидатах в депутаты: «О людях такого неопределенного, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределенные, ни то, ни сё, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»¹⁹².

А в своем «Заключительном слове по политическому отчету», прочитанном на XVI съезде партии в 1930 году, Сталин сравнил оппозиционеров с известным чеховским героем: «Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появились у нас где-нибудь трудности, загвоздки — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-нибудь таракан, не успев еще как следует вылезти из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти»¹⁹³.

Разные исследователи сходятся в том, что любимым писателем Сталина был именно Чехов. Есть воспоминания, подтверждающие это. Так, племянница Сталина Анна Аллилуева вспоминала, как Сталин читал свои любимые произведения ее матери и тете, своей будущей жене: «Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчеркивая неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать еще. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он чеховскую «Душечку»¹⁹⁴.

На одном из совещаний 1940 года, рассуждая о том, как добиться правдивости в советском искусстве, Сталин высказался: «Требуется ли, чтобы произведения показывали нам врага лишь в его главнейшем, отрицательном виде? Это правильно или неправильно? Неправильно. Есть разная манера писать, например, манера Гоголя или Шекспира. У них есть выдаю-

щиеся герои — отрицательные и положительные. Когда читаешь Гоголя или Грибоедова, то находишь героя с одними отрицательными чертами. Все отрицательные черты концентрируются в одном лице. Я бы предпочел другую манеру письма — манеру Чехова, у которого нет выдающихся героев, а есть «серые» люди, но отражающие основной поток жизни»¹⁹⁵.

Влияние сталинского отношения к Чехову заметно в том, что касается празднования 40-летия со дня смерти Чехова в 1944 г. Чехов не был, в отличие от Горького и Маяковского, введен в тот пантеон, который создала советская власть. К нему относились крайне уважительно, но и не более того. И потому можно было ожидать, что относительно скромная юбилейная дата не повлечет за собой каких-либо политических решений, тем более что шла война. Между тем в 1944 году Чехову не только поставили памятник в Таганроге. В Москве, столице СССР, улица Малая Дмитровка была переименована в улицу Чехова (обратное переименование произошло в 1993 г.). Также были введены чеховские стипендии¹⁹⁶.

Интересен Сталину был и Салтыков-Щедрин, что очевидно из пометок советского руководителя на полях его произведений. В книге рассказов «Неизданный Щедрин» (1931 г.) особое внимание Сталина привлек рассказ «Каплуны», обличающий прятнувшихся от реальности трусливых мечтателей¹⁹⁷.

«Жизнь страшна; на поверхности ее нет места, где нельзя было бы не поскользнуться, не оступиться,

не упасть», — выделяет Сталин в тексте Салтыкова-Щедрина. В рассказе «Каплуны» приводится притча, в которой пустынник призывает гору прийти к нему, а когда после трехкратного призыва это не происходит, начинает лишь «прилежнее прежнего совершенствовать себя и воспитывать в своем сердце семена благодати». Сталин выделил далее во фразе: «Это очень благородно и очень покойно; коли хотите, это даже красиво, потому что позволяет принимать позы угнетенной невинности», — слова «позы угнетенной невинности» тремя чертами на полях.

Дальше его внимание привлек фрагмент предложения: «...и там коряги, и там болота, но самая дорога, незаметно для зрения, приобретает такое склонение, что деятель, искренно мечтающий о том, что идет направо, внезапно видит, что он совсем не там, что он, против воли, взял влево и, вместо предполагаемого храма утех (монплеизр) и отдохновения (монрепо), со всего размаха разбежался в огромную, дымящуюся кучу навоза...»¹⁹⁷ Сталина волнует, как соотносится происходящее в мыслях человека с его поступками. Он с ранних лет не допускал этого расхождения у себя и не терпел у других. В конце концов, в этом состоит революционное мышление, равно как и русское понимание правды.

«За недостатком героев их место у нас занимают каплуны!» — подчеркнул в книге Сталин¹⁹⁷, для которого совпадение мыслей, слов и дел было принципиальным политическим вопросом.

Но между мыслью и поступком есть еще чувство. Слова о смерти чувств взволновали Сталина во время прочтения дневников супруги писателя Льва Толстого Софьи Андреевны Толстой. Советский руководитель сделал пометки на издании 1936 г.

Сталин выделил: «Люди! обожающие Льва Николаевича, дети! знайте все, что он убил меня, убил духовно и убьет телесно: что в нем огромный ум, громадный талант, большая впечатлительность, но нет сердца. В молодости еще сильнее в нем была эта чувствительность, впечатлительность, а главное страстность; но всё притупилось. И убитая духовно, бог даст умру и телесно. Дай-то господи! Оглянься на терзающее мое сердце страдания!»

И дальше: «Да, если есть бог, ты видишь, господи, мою ненавидящую ложь души, и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!»¹⁹⁷

Версия о том, что после смерти первой жены Като Сванидзе Сталин сказал, что теперь тепло к людям его полностью оставило, несколько опровергают эти пометки на полях дневников С. А. Толстой. Переданная женой писателя бесцерковность немолодого Толстого явно не вызвала восторга у Сталина.

Сталин презирал декаданс и пошлость. Находясь в вологодской ссылке, он беседовал со своей подругой Пелагеей Онуфриевой. Ей он дал такую оценку модного декадентского писателя-беллетриста Арцыбашева: «Это писатель низменных чувств. Пошлый писатель, о пошлости и пишет»¹⁹⁷.

Познакомившись со Сталиным в сольвычегодской ссылке большевик Иван Голубев вспоминал, что Сталин «очень критично» относился к декадантам Мережковскому и Пшибышевскому, да и «других не щадил»¹⁹⁷. Но он их читал! А это говорит о достаточно широком круге культурных интересов.

Многочисленные стенограммы заседаний с участием деятелей культуры, переписка Сталина с писателями и поэтами, его статьи и речи говорят о том, что советский лидер предъявлял два основных требования к производству искусства: высокий профессионализм и наличие «живой жизни» (частое выражение Сталина).

Есть целый ряд свидетельств о реалистических предпочтениях Сталина.

Так, о поставленном в 1925 г. в театре Вахтангова спектакле «Виринея» по повести Лидии Сейфуллиной он сказал: «По-моему, пьеса — выхваченный из живой жизни кусок жизни»¹⁹⁷.

Живописец Исаак Бродский свидетельствовал: «Высшая похвала, которую т. Сталин давал картине, заключалась в двух словах: «Живые люди»¹⁹⁷.

В путевых заметках Бориса Пильняка о Японии в журнале «Новый мир» в 1933 г. Сталин подчеркнул фразу: «Геологи, как и писатели, должны быть честны, социально чисты, равно как и с женой, и словом не должны блудить...»¹⁹⁷

Югославский политик и писатель Милован Джилас присутствовал на показе кинофильма в личном зале вождя в Кремле. По свидетельству Джиласа, «в течение всего показа Сталин выступал с комментариями, реагировал на происходящее так, как это делают необразованные люди, которые принимают художественную реальность за действительность»¹⁹⁷. Странность этой оценки в том, что отношение к художественной реальности как к действительности отнюдь не обязательно является свойством необразованных людей. В противном случае необразованным человеком надо назвать Александра Сергеевича Пушкина, написавшего: «Над вымыслом слезами обольюсь».

Михай Зичи. Иллюстрация к поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре». 1888

Продолжение на стр. 12

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 4–10

Исследователям, стремящимся объективно разобраться в том, что Сталин имел в виду, говоря о живой жизни в художественных произведениях, еще предстоит раскрыть природу этого сталинского подхода. Поэтому что в нем нашлось место далеко не реалистическому произведению «Девушка и смерть». Скорее всего, сталинское представление о живом творчестве и его отличии от творчества неживого коренится в сталинском представлении о взаимоотношении жизни и смерти. В противном случае многие сталинские предпочтения необъяснимы. Что же касается того, что Сталин отказывался воспринимать искусство эстетически, то в этом есть натяжка, связанная с тем, что эстетика приравнивается к эстетству. Которое и есть полный разрыв между жизнью и творчеством. Разумеется, Сталину было чуждо эстетство Оскара Уайльда, заявлявшего, что всякое искусство совершенно бесполезно. Но как быть с тем, что такая оценка была столь же чужда высокообразованному и талантливому Бертольду Брехту? А также с тем, что сам Оскар Уайльд от этой оценки отказался, написав «Балладу Рэдингской тюрьмы», да и другие далеко не эстетские произведения (тот же «Портрет Дориана Грея», например, где художественная реальность и действительность соединяются напрямую).

Есть много суждений, которые не носят заведомо предвзятый характер, свидетельствующих о том, что Сталин умел ценить актерскую игру и режиссерское мастерство, о чем свидетельствовали кинематографисты. Так, после просмотра американской картины «Большой вальс», с огромным успехом шедшей в СССР, Сталин отклонил список советских кинематографистов, представленных к правительственной награде и призвал их научиться делать такие же качественные продукты, как у американцев.

Известно и об увлеченности зрелого Сталина классической музыкой. В программу правительственных концертов в 30-е годы стали включать отрывки из классических опер и балетов. Это были произведения русских композиторов Чайковского, Глинки, Бородина, Римского-Корсакова, а также западных — Бизе, Верди. Все эти произведения вошли в репертуар Большого театра, который, в отличие от Ленина, Сталин очень ценил.

Основатель ансамбля им. А. Александрова вспоминал, что Сталин и Ворошилов принимали большое участие в подборе репертуара ансамбля. По личному указанию Сталина ансамбль Александрова начал исполнять песни «Калинушка», «Закувала та сива зозуля» и «Распрягайте, хлопцы, кони». Сталин посоветовал ансамблю ввести народные инструменты в аккомпанирующую группу. «Очень много коррективов внесли товарищи Сталин и Ворошилов в наши танцы, отмечая в них всё ненужное, псевдонародное и псевдо-красноармейское», — вспоминал Александров¹⁹⁸.

Известно, что поддержка Сталина сыграла решающую роль в судьбе пианиста Эмиля Гилельса, с чьим творчеством советский лидер впервые ознакомился на всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1933 г. Очевидцы вспоминали, как Сталин аплодировал шестнадцатилетнему Гилельсу после того, как пианист блестяще сыграл «Фигаро» Моцарта-Листа. После этого Гилельс был приглашен к Сталину в ложу, где его распустили о его жизни и учебе. Вскоре после этого Гилельс переехал в Москву, где был окружен вниманием и заботой¹⁹⁸.

И всё же Сталин был больше человеком книги. Учась в училище, в семинарии, пребывая в ссылке, он постоянно посещал библиотеку. Так, в вологодской ссылке он за 107 дней 17 раз сходил в библиотеку, а в театр — ни разу¹⁹⁹. В Кремле советский лидер составил большую собствен-

ную библиотеку. К концу жизни Сталина большая часть этой библиотеки была перевезена на «ближнюю дачу» в Кунцево. Его библиотека насчитывала 20 тысяч томов¹⁹⁹.

По мнению исследователей¹⁹⁹, номера первого советского литературного журнала «Красная новь», издание которого началось в 1921 г., составлялись не без участия Сталина. Во втором номере этого журнала за 1923 г. были напечатаны «Мои университеты» Горького (продолжение), «Аэлита» А. Толстого (окончание), «Перемена» М. Шагинян. В поэтическом разделе журнала были опубликованы стихотворения О. Мандельштама, С. Клычкова, П. Радимова, из западных авторов — В. Гюго в переводе М. Волошина.

О том, как Сталин относился к чтению книг, свидетельствуют, в том числе и подчеркивания им определенных фраз из повести М. Горького «Мать». Внимание Сталина привлек отнюдь не центральный эпизод повести, а тот, в котором Михайло Рыбин в доме у Власовых говорит о книгах: «*Давай помощь мне! Давай книгу, да таких, чтобы, прочитав, человек покою себе не находил. Ежа колючего под череп посадить надо, ежа колючего*». Сталин подчеркнул именно эти фразы¹⁹⁹. И ясно почему. Потому что у него самого была та же потребность, которую он обнаружил у Михаила Рыбина.

Отношение Сталина к Горькому отнюдь не определялось полностью тем, что Горький был сторонником большевиков. Известно позитивное отношение Сталина к творчеству Булгакова, который сторонником большевиков не был.

На встрече с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Сталин отстаивал постановку пьесы Булгакова «Дни Турбиных», несмотря на ее антисоветский характер: «*Вы, может быть, читали «Бронепоезд» Всеволода Иванова, может быть, многие из вас видели его, может быть, вы читали или видели «Разлом» Лавринева, — Лавренив не коммунист, но я вас уверяю, что эти оба писателя своими произведениями «Бронепоезд» и «Разлом» принесли гораздо больше пользы, чем 10–20 или 100 коммунистов-писателей, которые пичкают читателей, ни черта не выходя: не умеют писать, нехудожественно*»¹⁹⁹.

Сталин защищал Булгакова в письме к члену Пролеткульта Владимиру Биллю Белоцерковскому в 1929 г. По мнению Сталина, пьесу Булгакова «Бег» «нельзя считать проявлением ни «левой» ни «правой» опасности. «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуправдать белое дело. «Бег», в том виде, в какой он есть, представляет антисоветское явление. Впрочем, я бы не имел ничего против постановки «Бега», — пишет Сталин, — *если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два, где бы он изобразил внутренние социальные дружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Сефафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» эксплуататоров, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно*»²⁰⁰. И далее в письме к Биллю Белоцерковскому Сталин развивал идею о том, что пролетарская литература должна вытеснить непролетарскую в ходе конкуренции.

Впрочем, отношения Сталина и Булгакова — отдельная тема, не лишенная некой загадочности, с чем согласны самые разные исследователи.

Дальше всех пошел грузинский журналист и исследователь Ника Лашаури, приписавший Сталину восхищение романом «Мастер и Маргарита». По сведениям Лашаури, на личном экземпляре сталинского экземпляра еще неизданного тогда «Мастера и Маргариты» якобы его рукой было написано: «*Гениально. Это остроумное мозаичное заключение*». А в одной из надписей на страницах этой же книги Сталин усматривал в Коровьеве, Бегемоте и Азателло собирательный образ Берии. Лашаури отметил, что, несмотря на чуть ли не восторженное отношение к роману, на внутренней стороне обложки книги, как ни удивительно, была сделана надпись красным карандашом: «*Запретить, советскому народу пока рано читать эту книгу*»²⁰¹.

Ссылку на архивы Лашаури не приводит. Заметки, которые якобы советский руководитель сделал на экземпляре «Мастера», — безусловно, совершенно гротескные. Цели, с которыми грузинский журналист стал «греть руки» на полной мистификации теме «Сталин и Булгаков», — не до конца ясны. Зато совершенно ясно, что Сталин, находящийся в восхищении от «Мастера и Маргариты», — это в каком-то смысле покруче, чем «Сталин — агент царской охранки». Уж больно антисоветскую книгу написал Булгаков.

Сталин спасал не только постановки Булгакова. Благодаря ему состоялась театральная постановка романа Алексея Толстого «Петр Первый». Толстой вспоминал в своей автобиографии: «*Постановка первого варианта «Петра» во 2-м МХАТе была встречена РАППом в штыки, и ее спас товарищ Сталин, тогда еще, в 1929 году, давший правильную историческую установку петровской эпохе*»²⁰². (Российская ассоциация пролетарских писателей, под видом требования соблюдения «партийности» литературы, выступала в разное время также против Маяковского, Горького, Булгакова.)

Воспитанный в значительной степени на произведениях русской культуры, Сталин часто апеллировал к великим писателям и поэтам XIX в. за недостатком качественных современных произведений. Пушкин признавался безусловно. Так, в 1937 г. в СССР широко отмечалось столетие со дня смерти Пушкина.

Маяковским Сталин восхищался. Известно о том, как советский лидер горячо аплодировал поэту 21 января 1930 года на ленинском траурном заседании в Большом театре, когда Маяковский читал третью часть поэмы «Владимир Ильич Ленин»²⁰³.

В 1935 г. Маяковский получил полное официальное признание на страницах «Правды». В статье, посвященной постановлению ЦИК СССР о Пушкинском комитете, писалось: «*Пушкина знает и любит наша передовая молодежь. От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской эпохи, о значении Маяковского сказал недавно товарищ Сталин: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»*. И чуть ниже: «*постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжает линию, указанную в словах товарища Сталина*»²⁰³. Слова о Маяковском были взяты из ответного письма Сталина Лиле Брик о пользе Маяковского для дела революции и советской власти.

Отсутствие у Сталина идеологической предвзятости по отношению к тому, что он считал по-настоящему талантливым, вопиющим образом противоречит создаваемому антисталинистами образу серого бескультурного тирана. Сталин сильно колебался по поводу Мандельштама, пытаясь заручиться помощью Пастернака для того, чтобы смягчить судьбу поэта. И это при том, что Мандельштам очень грубо

и далеко не с позиций поэтической мудрости оценивал личность Сталина, включаясь тем самым в политическую борьбу. Сталин высоко ценил Бориса Пастернака и Анну Ахматову. Поздняя критика этих творцов со стороны Жданова и его окружения не привела к репрессированию этих творцов именно благодаря оценке Сталина. И хотя Пастернак и Ахматова, конечно, не были официально вознесенными поэтами советской эпохи, они были вписаны в тогдашнюю творческую интеллигенцию, что могло произойти только по прямому решению Сталина. Что явно свидетельствует о широте сталинского культурного кругозора и об отсутствии у Сталина тупой антикультурной идеологической предвзятости.

На протяжении достаточно длительного времени, в 20–30-е годы (еще до возвращения Горького в СССР), Горький был главным собеседником Сталина в вопросах культурной политики СССР. Сталину нравились ранние повести Горького «Городок Окуров» и «Фома Гордеев», а также рассказы. Стараниями Максима Горького в СССР появился новый жанр — социалистический реализм.

И всё же, при той политической роли, которая была отведена в сталинском СССР Горькому, — достаточно вспомнить о создании Союза писателей под его руководством, переименовании в 1932 г. МХАТа во МХАТ им. Горького и города Нижнего Новгорода в Горький, — непохоже, что «*буревестник революции*» когда-либо мог претендовать на звание любимого автора Сталина. Сталин не принял главную книгу Горького — роман-эпопею «Жизнь Клима Самгина». «*Что же касается изображения русской революции в «Климе Самгине», так там очень мало революции и всего один большевик... Революция там показана односторонне и недостаточно, а с литературной точки зрения его ранние произведения лучше*»²⁰⁴, — заявил Сталин в беседе с югославом Милованом Джиласом. Важно отметить, что эта фраза была сказана до публикации четвертой части «Клима Самгина», издание которой осуществлялось в Советском Союзе с 1931 по 1936 годы. Если бы давший такую оценку Сталин не дал одновременно распоряжение печатать четвертую часть, то она просто не была бы напечатана.

Сталин постепенно, но последовательно возвращал русских исторических и культурных деятелей, в значительной степени отвергнутых после революции, в государственный «пантеон». По заказу советского руководства перед войной режиссер Сергей Эйзенштейн снял фильм о князе Александре Невском. Окончательно же эта линия оформилась в критический для СССР момент, во время Великой Отечественной войны.

6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Сталин заявил: «*И эти люди, лишенные вестей и чести, люди с моралью животных (гитлеровцы — прим. Ю.В.) имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова...*»²⁰⁵. Таким образом, был, по сути, озвучен пантеон русской культуры, в котором следующее место после Ленина занял Пушкин.

Аналогично, в своей речи на параде в честь Октябрьской революции 7 ноября того же года Сталин озвучил пантеон русской истории. Помимо Суворова и Кутузова в числе великих полководцев были названы князь Александр Невский и Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский.

Имена, названные Сталиным в речи 6 ноября, стали символами нации. Цитату

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Анатолий Яр-Кравченко. «А. Горький читает 11 октября 1931 года товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть». 1941

из его доклада начали включать в предисловия ко всем изданиям Пушкина и книг о нем. Сотрудники Пушкинского дома Академии наук отправятся на заводы и в воинские части с лекциями о Пушкине и его любви к родине.

Отдельная, весьма значимая, тема — это отношение Сталина к религиозной проблематике в литературе.

Сталин категорически отвергает представление о человеческой ничтожности перед богом и о возможности в этой связи бездействовать. Насмешку на полях толстовского «Воскресения» вызвала у него мысль Нехлюдова о том, что «единственное и несомненное средство спасения от того ужасного зла, от которого страдают люди, состояло только в том, чтобы люди признавали себя всегда виноватыми перед богом и потому способными ни наказывать, ни исправлять других людей»²⁰⁵. Также не мог принять Сталин в романе Толстого, что Нагорная проповедь устанавливает новое устройство человеческого общества, царство божие на земле, «само собой».

Сталин был очевидным образом согласен с тем, что человек сам создает религии. В неоконченной книге французского писателя Анатоля Франса «Последние страницы. Диалоги под розой» советского руководителя привлекло высказывание: «Судя по тем сильным чувствам, которые внушает нам христианство, можно было бы подумать, что вы эту религию считаете продуктом сверхъестественного откровения, имеющего целью изменить людей. Успокойтесь. Созданная людьми религия не больше изменяет их, чем платье изменяет тело. Религия может уродовать человека, как платье может уродовать тело»²⁰⁵. Сталин комментирует на полях: «Ха!! Вот и разберись!..»²⁰⁶ Франс пишет: «Мысли, которые мы приписываем ему,

исходят от нас самих; мы бы их имели, если бы и не приписывали их ему. И не стали бы от этого лучше»²⁰⁷. «Известная истина!»²⁰⁸ — отмечает Сталин.

С большим одобрением Сталин отнесся и к высказыванию французского генерала Гуро (1867–1946) о религии, которую, по его словам, следовало бы выбрать Наполеону: «Если бы ему нужно было выбрать для себя религию, Наполеон избрал бы обожание солнца, которое всё оплодотворяет и является настоящим богом земли»²⁰⁹. Сталин написал рядом: «Хорошо!»²¹⁰. Исследователям еще предстоит разобраться в том, почему Сталина так впечатлило это предложение об обожании Солнца, и является ли эта заметка на полях отражением только культурных или еще и иных, более глубоких предпочтений Сталина.

Отношение к христианскому богу у Сталина было явно неоднозначным. Из слов Франса: «Верить в бога и не верить — разница невелика. Ибо те, которые верят в бога, не постигают его. Они говорят, что бог — всё. Быть всем — всё равно что быть ничем»²¹¹, — он делает вывод: «Следов не знают, не видят. Его для них нет»²¹².

А в ответ на то, что существование бога подсказано чувством, которому не устоять перед разумом, и что в то же время бог — «перекресток всех человеческих противоречий»²¹³, — Сталин иронизирует: «Куды ж податься!»²¹⁴

Как большую трудность в понимании бога Сталин отмечает противоречие «разум — чувства»²¹⁵. Это противоречие для него «ужасно».

Далее Сталин пишет на полях книги: «Большая разница — думать, что смерть приведет нас к разгневанному богу, или вернет в небытие, из которого мы вышли.

Как вы это понимаете? Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада»²¹⁶.

Тема смерти и противостояния ей любви, безусловно, важна для Сталина.

В последние годы жизни на даче советского руководителя в Кунцево висела копия картины Анатолия Яр-Кравченко «А. Горький читает 11 октября 1931 года товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть». В этой сказке Горького Смерть всё время преследует Любовь, пытаясь ее уничтожить. В конце концов, Смерть так обращается к Любви:

Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо! Разрешаю я тебе — живи! Только я с тобою рядом буду, Вечно буду около Любви!

Сталин сказал об этой песне свои известные слова: «Эта штука сильнее «Фауста» Гёте (любовь побеждает смерть)»²¹⁷. Это высказывание можно назвать одним из ключевых для Сталина-философа. Не та ли это деятельная любовь, которую Сталин увидел в Арсене и других народных героях?

Культурные и политические предпочтения Сталина формировались постепенно.

Сталин в раннем возрасте проникся идеалом борьбы за справедливость. Он впитал его из народных сказаний, из «Витязя в тигровой шкуре».

Стихи молодого Сталина ясно говорят о его личности: в них видна горячая любовь к своей стране, стремление изменить

жизнь простого народа, вера в жертвенное служение этой своей мечте. Романтизм и горячность сочетаются с твердостью в следовании по раз избранному пути.

Позже Сталин уже лишь развивал обретенный идеал, черпая для этого духовную пищу из мировой литературы. Рано сформированный идеал сохранился у Сталина на всю жизнь.

Как мы уже убедились, грузинское почвенничество, дань которому отдал Сталин в ранние годы, очень быстро сменилось марксизмом. Помимо почвеннических народных героев, устанавливающих справедливость доступными им способами (таких, как Арсен и Коба), образцами для подражания становятся для Сталина такие революционеры, как Симурден (герой романа Гюго «Девяносто третий год») и Рахметов (герой романа Чернышевского «Что делать?»).

Сталин воспитывался на русской классической литературе. Поэтому не удивительно, что, придя к власти и оказавшись в условиях отсутствия новой секретической культуры, он вскоре обратился к этой литературе для оформления советской культурной идентичности. Благодаря Сталину русская классика сыграла важнейшую роль в укреплении советской идентичности, в том числе в годы Великой Отечественной войны.

Крайне важное значение для Сталина имели размышления на тему религии, а также о том, как построить новый, совершенный мир. Об этом говорят пометки Сталина на полях различных книг, также ясно свидетельствующие о его личности. Из этих пометок очевидно, что уже молодой Сталин, сохраняя по сути религиозную веру в человека и в обновление общества. При этом он признавал лишь деятельное участие человека в этом обновлении, считая невозможным построение царства божия на земле «само собой».

Знакомство с собственным творчеством Сталина и его кругом культурных интересов, знакомство с тем, как формируется мировоззрение Сталина на стыке романтизма, марксизма и впитанной, но отвергаемой церковной духовной культуры, позволяет нам понять масштаб личности Сталина и осознать, насколько далек от реальности создаваемый антисталинистами образ бездарного, темного и властолюбивого негодяя. Ни о бездарности, ни о безграмотности Сталина нельзя говорить, не встав на путь абсолютной пропагандистской демонизации. Что же касается властолюбия, то вряд ли существует лишенный этого качества крупный политик. Отрицать властолюбие Сталина было бы глупо. Но столь же глупо говорить о каком-то уникальном гиперчестолюбии, имея перед глазами образы таких властителей, как Наполеон, Робеспьер, Кромвель, Черчилль, Рузвельт и другие.

Отстаивание объективности в вопросе о масштабе личности Сталина — лишь одно из направлений исследовательской деятельности, необходимой для того, чтобы вернуть нашему народу правду о нем самом и его истории. Совершенно необходимо раскрыть масштаб сталинской личности, но этого недостаточно. Нужно еще раскрыть тонкую структуру этой личности и выявить ее телеологическую, то есть целевую направленность. Аналитика культурного творчества Сталина, аналитика его взаимоотношений с культурой, религией и духовностью в целом одна только и может, по-видимому, дать более или менее объективный ответ на этот вопрос, столь существенный для нашего общества в связи с особо напряженной войной, ведущейся вокруг образа Сталина.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ — 2018

Коммунарский опыт убеждает, что что-то с человеком сделать можно. Это дает повод для осторожного оптимизма

Перелом

Летняя школа (ЛШ) — 2018 сделала заявку на переломный шаг в жизни нашего движения. Не хочется загадывать, чем это обернется на практике (переломы разные бывают), но заявка на рывок сделана, и это факт.

Самым мощным впечатлением школы стали фактически параллельные выступления коммун и бюро. Коммуны презентовали результаты через спектакли и зачитывание отрывков из монографии про Сталина, а бюро традиционно выступали в жанре отчета. Это, конечно, разные жанры. Но не признать, что нами за прошед-

шие годы пройдено принципиально разное состояние, невозможно.

В наибольшей степени показательным для меня стал спектакль «Зерна». Играющие в нем ребята мне давно знакомы, и они совсем недавно — этой весной — ушли в коммуны. Потому это был спектакль о нас (на сцене, грубо говоря, мы) и о нашем положении дел. И то, как сыграли товарищи, особенно вдохновило не в силу поворотов сюжетной линии или иных элементов спектакля, а в силу того, как и насколько быстро изменились сами люди.

В целом коммунарский опыт убеждает, что что-то с человеком сделать можно. Это дает повод для осторожного оптимизма, без идеализации и сентиментальных восторгов («ах, какие ребята!»). Это уже серьезно. Как соединится этот опыт с движением в целом, и что мы сможем в итоге в себе переломить — вопрос ближайшего будущего. Энергия должна воплотиться в дела, иначе она перебродит и ударит по тем, кто ее давал и брал.

Есть стойкое ощущение, что так, как раньше, уже не будет. Мы не останемся при своих. Движение неизбежно, вопрос

только — куда. Потому потерять этот год невозможно, его нужно взять. Взять вместе, иначе невозможно. А делается это с опорой на волю, а не на самые лучшие оргсхемы. Добровольческое, общественное движение иначе не работает. Год от ЛШ до ЛШ станет годом испытания нашей воли. И что в итоге переломится, зависит только от нас.

Андрей Малахов

Мысли не всегда бывают мелкими и сиюминутными, иногда задумываешься о будущем...

Атмосфера будущего

Школа — это такие место, череда событий и коллектив, которые позволяют одновременно и отстраниться от повседневной деятельности, посмотрев на нее с другой точки зрения либо чуть шире, и увидеть ее контрастнее, за счет разницы атмосфер. Если отстранение вряд ли требует пояснений, то про разницу общественных атмосфер стоит развернуть.

Жизнь вне посещения Александровского состоит из трех основных и частично пересекающихся элементов: работа для обеспечения жизни, деятельность в «Суть времени», общение с родными и близкими. Наибольшая разница, конечно, между работой и общением на школе СВ. Даже при условии, что коллектив у меня на работе попался хороший. Во-первых, работа производится на дядю-капиталиста. Во-вторых, постоянно встречается грызня и стремление добиться цели — позиции, денег, проходя по головам других. В-третьих, отсутствует общность этих самых целей. В-четвертых, частенько складываются ситуации наплевать на чужой труд, выполненный, казалось бы, в интересах компании, но не в интересах, например, какого-нибудь менеджера, который с закупки продукта на стороне что-нибудь бы имел: навар или позицию от внедрения, а благодаря изделиям, выполненному своими силами, остается с пустыми руками. Этот список можно длить и длить. В Александровском же всё ровно наоборот.

Так уж вышло, что работаю не по профилю своего высшего образования, а по специальности, приобретенной параллельно самоучкой. Хотя есть между ними общее — понятие автоматизации. Частично о ней и слово. В вузе готовили по специальности «технология машиностроения» с уклоном в автоматизацию, но со старших классов школы потихоньку начал писать программное обеспечение, и деятельность эта до недавних пор привлекала больше. Применительно к правильным целям трудовую деятельность свою люблю и постараюсь поразмышлять одновременно со стороны и с личным чувством.

Автоматизация есть деятельность прикладная, служащая другим человеческим целям, а не сугубо теоретическая. В отличие, скажем, от математики или теоретической физики. Поэтому автоматизатору очень важно не упиваться интересом от решения сложных задач в отрыве от целей, а понимать, зачем он действует непосредственно и в широком смысле слова. Важ-

Сцена из спектакля «Зерна» показанный на Летней школе «Суть времени». 2018

нейшая общая цель автоматизации — это освобождение человека от рутинного труда, дабы он мог использовать свое время для развития и творческой деятельности. Следует оговорить, что есть некоторые экстремумы, выходящие за это понятие. В основном это решение таких задач, на которые при заданных сроках и точности исполнения у человечества нет ручного ресурса. Но в условиях: а) темпов автоматизации, значительно превышающих темпы роста реальных потребностей человечества (так, что через поколение-другое потребуются очень небольшая часть населения для производства требуемых всем товаров и услуг) и б) системы общественных отношений, которая невостребованного человека стремится выбросить за борт, описанная выше цель становится недостижимой. Более того, она превращается в свою противоположность.

Автоматизатор в малых делах всё еще служит людям, а по-крупному — кует машину уничтожения широких общественных масс. Кто-то скажет: «Но как же ценность человеческой жизни, которую всё еще декларируют Запад и идейно следующий за ним Восток?» Декларируется ценность человека сугубо по инерции, капитализм не может быть гуманным, это не-

выгодно, а сдерживающие идеалы Великой французской революции выброшены за ненадобностью. Пока трудишься на работе, это простое умозаключение не спешит заходить в голову. Но стоит посмотреть со стороны, как мысль становится очевидной. Скрывают ее, как мне кажется, два фактора: сиюминутная потребность людей в результатах твоего труда и желание видеть себя хорошим, нужным. Людям вообще свойственно оправдывать себя и свою деятельность.

Мысли не всегда бывают мелкими и сиюминутными, иногда задумываешься о будущем. Сложно сказать, откуда желание будущего берет в человеке свое начало. Качественно другого, нежели настоящее, будущего, то есть развития. Быть может, эти мысли и стремления рождаются из соприкосновения с культурой. Стоит чуть-чуть узнать об идеях Николая Федорова о победе над смертью, почитать, скажем, «Космологию духа» Эвальда Ильенкова, как потребность заглядывать в грядущую бесконечность человеческого восхождения возникает снова и снова. Затем спускаешься на грешную землю и тонешь в череде мелких дел, но что-то остается в виде чувств и неоформленных мыслей. Что-то, принимающее понятную форму, лишь

стоит поговорить с единомышленниками и взглянуть на деятельность чуть-чуть шире. И тогда думаешь: а как влияет твоя трудовая деятельность на то будущее, к которому тянет? Никак, а, возможно, даже и губит. В жизни приходилось заниматься задачами, связанными со значимыми для государства и страны темами. Но, глядя в бесконечность и общаясь с людьми, понимаешь: максимум чего добиваешься — это удержания отдельных направлений от окончательного обрушения и деградации. Греешь лучинкой. Никаким будущим не пахнет почти нигде. Ни в оборонке, ни в науке, ни в космической отрасли. Складывается ощущение, что страна и мир всё меньше стремятся идти в будущее.

Затем приезжаешь в Александровское и посещает мысль: «Если сделать здесь некий нужный и полезный продукт, повлияет ли это на будущее? А ведь может!» Мысль одновременно рождает тоску по бесцельно выкидываемому времени и надежду, что не все потеряно. Эти чувства можно использовать для изменения мира, их можно бросить в топку разогрева хотя бы своей деятельности и убедительности.

Павел Колганов

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ — 2018

Как победим в себе внутреннего врага, так никакие внешние враги не смогут с нами ничего сделать

Вернуть себе Родину

Недавно прошедшая Летняя школа «Суть времени» стала своего рода продолжительной лабораторной работой по встрече с собой и преодолению себя. Насколько она была успешной, покажет наша общая работа в предстоящем году.

Летняя школа в качестве ежегодной конференции нашего движения дает нам возможность увидеть работу и общее состояние нашей организации с высоты птичьего полета. Она также позволяет нам сверить часы и синхронизировать не только работу, но и свое общее состояние при ее выполнении.

В этом году работа по такой синхронизации была в высшей степени целенаправленной. Задача заключалась в том, чтобы переломить среди членов организации то общее для всего постсоветского народа повреждение, которое можно назвать «комплекс овустренного поражения» (ведь мы все вместе согласились на потерю Советского Союза и на окружающее и унижающее нас гниющее мешанское болото). А также — порождаемый всем этим феномен «приобретенной беспомощности», приводящий к самосаботированию собственной деятельности и собственного развития.

Для начала исследовать феномен поражения и его преодоления нам помогли два произведения: спектакль С. Е. Кургина «Зерна» по мотивам повести Антуана де Сент-Экзюпери «Военный летчик», поставленный силами московской коммуны и, возможно, неожиданно, фильм Рона Ховарда Cinderella Man («Нокдаун»). Не погружаясь в пересказ сюжетов, отмечу, что после просмотра стало ясно, почему были выбраны именно эти два произведения. И спектакль, и фильм, каждый на своем языке, нам повествуют об одном и том же — что избыток в себе поражение

Спортивный день на Летней школе «Суть времени». 2018

может только человек, восстановивший в себе «внутренний локус контроля» и при этом полностью подчинивший себя высшей цели, полностью устранивший собственное эго.

Многие люди, пережившие поражение, свыкаются с понятием «внешнего локуса контроля», то есть с пассивным отношением к жизни, в которой все просто происходит с нами, в том числе и поражение, которое «наносится нам». Человек же

с «внутренним локусом контроля» исходит из того, что он обусловлен лишь самим собой. Такой человек не считает, что ему можно «нанести поражение». Он понимает, что настоящее поражение приходит лишь тогда, когда ты сам на него согласился. А сражающийся до последнего вздоха уходит в мир иной непобежденным.

Но так отчаянно сражаться могут только не те самопогруженные обыватели, которых плодит общество потребления,

и которые во всем видят лишь возможность пощекотать свое собственное «я». Это самовлюбленное «я», как показывал С. Е. Кургинян в статье «Мост через пропасть», в итоге умерщвляет любое начинание, к которому оно только прикасается.

Военный летчик, перед тем как принять смерть и устремиться ей навстречу, и боксер, перед тем как выйти на ринг, как на тропу войны, выжигают это «я» из себя каленым железом, оставляя лишь ту высшую ценность, ради которой только и можно биться по-настоящему испуленно.

В каком-то смысле перед движением «Суть времени» стоит более сложная задача, чем та, что стоит перед воином, мобилирующимся на последний бой. Ведь нам предстоит вернуть себе Родину, а вместе с ней и духовное первородство. Это не спринт, а марафон. Здесь нет привычного «последнего и решительного боя», на который можно отмотивироваться, а потом с чувством выполненного долга обратно залезть на печь.

Здесь отношение как к решающей боевой операции должно быть ко всему без исключения. К работе информационного агентства, к полевой деятельности на улицах городов и в виртуальном пространстве, к нашему саморазвитию и взятию барьера под названием «новая интеллигенция». Наш самый страшный враг сидит внутри нас, и его зовут «пофигизм», «несобранность» и «эгоцентризм». Как победим в себе этого внутреннего врага, так никакие враги внешние не смогут с нами ничего сделать.

Давайте же вместе учиться побеждать! Каждый день, в каждой взятой на себя задаче. Ведь в нашей войне мелочей не существует.

Лев Коровин

Некоторые люди боятся заглянуть внутрь себя из-за страха обнаружить там пустоту или только плохое...

Решимость

Если человек чего-то очень сильно хочет, он этого добьется. Но одного желания мало. Нужна решимость. Решимость как принуждение себя к ежедневному труду и борьбе с препятствиями, которые возникнут на пути, постоянному стремлению непременно достигнуть желаемого. В человеке должна произойти метанойя, смена ума, при котором изменится сам образ жизни, окончательно и бесповоротно. Почему не возникает этой окончательности? Потому что нет безвозвратной решимости.

На школе нам показали фильм о том, как в человеке возникает такая решимость. «Теперь я знаю за что драться», — говорит герой Рассела Кроу в фильме «Нокдаун». — Молоко.

Это слово теперь имеет совершенно другое значение для главного героя фильма Джеймса Бреддока. Получив сокрушительный удар на ринге, он вспоминает лица любимых детей, угрожающий им голод, пустые детские кроватки как жестокое напоминание о нарушенной им клятве, которую он дал своему сыну возле магазина, поглотившее его отчаяние от осознания того, что все было зря, что он не смог уберечь свою семью.

И теперь, если он упадет, этот кошмар снова повторится. В этот момент герой понимает, за что именно он дерется. Он дерется за то, что очень сильно любит, за то, что страшно боится потерять. Он ясно увидел, что находится в ядре его личности, кем он по-настоящему является. Он начинает защищать свою открывшуюся суть, с испуленной решимостью доводит бой до конца, несмотря на полученные им травмы. Благодаря этому он побеждает более молодых соперников.

Некоторые люди боятся заглянуть внутрь себя из-за страха обнаружить там пустоту или только плохое. Они думают, что влияние «зоны Ч» деформировало их ядро и исправить его будет уже невозможно. Я же вижу эту ситуацию по-другому. Россия, на которую сбросили огромную плиту, а она не умерла, вопреки всем ожиданиям, выжила благодаря тому, что в ядре народной личности постоянно находится то, что описал Ф. М. Достоевский в своем рассказе «Мужик Марей». Этот рассказ был опубликован в февральском выпуске «Дневника писателя» в 1876 г. и повествует о событии, которое действительно случилось в детстве с Ф. М. Достоевским. Он вспоминает, как в возрасте де-

вяти лет он играл в овраге и вдруг услышал крик, что волк бежит. Он испугался и выбежал на пашню, где его начал успокаивать их крепостной мужик. Вот как Достоевский описывает эту встречу:

«Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлой любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. Любил он, что ли, так уж очень маленьким детям? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может быть, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце много грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?»

Не надо бояться встречи с самим собой. Внутри тебя не пустота и не только плохое. Нужно осознать, что ты уже имеешь это «глубокое и просвещенное человеческое чувство» в ядре своей личности. Оно в той или иной мере повреждено существованием в «зоне Ч», но не убито. Убить его можешь только ты сам своим бездействием, если не будешь восходить, если не будешь каждый день идти на бой за него. На смертный бой. Потому что если ты его потеряешь, то ты себя потеряешь и жизни живой лишишься.

Потребительский образ жизни затуманивает взгляд, одурманивает голову пустыми мыслями, отвлекает мелкими делами. Но если есть твердая решимость сохранить в себе Человека, то достаточно сделать первый шаг и дальше станет понятно, как и куда идти.

«Слова «не могу» — ложь. Когда горит наш дом, все знают, что надо делать, и делают» (архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).

Анна Кислякова

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ — 2018

Не может же быть так, что силы, которые просыпались в героях Октябрьской революции, недоступны нынешним последователям красной идеи!

Станет ли новый подход началом нового этапа?

Торжественное открытие Летней школы «Суть времени». 2018

Прошедшая с 9 по 21 июля VIII Летняя школа движения «Суть времени» для меня не в последнюю очередь стала запоминающейся из-за некоторой смены формата школы. Школа стала более насыщенной, работать сутевцам пришлось в этот раз в более напряженном графике. И, я думаю, это дало свои плоды.

Полагаю, каждый сутевец приезжает на школу не только для обсуждения жизненно важных для будущего движения вопросов (это первостепенно). Но и для того, чтобы окунуться в совершенно другую атмосферу, иную, чем та, с которой приходится иметь дело у себя в регионах, будучи занятыми непосредственной работой. Атмосфера Летней школы позволяет откинуть морок неблагоприятия, которым буквально окружен каждый в своем родном городе, и позволяет проникнуться атмосферой братства и некоего единения. Один из вопросов, который, я думаю, занимает мысли каждого из сутевцев — как сохранить подобную атмосферу хотя бы у себя в ячейках.

Не для того, чтобы уйти от серьезных вопросов, которые обсуждались на школе, но хотел бы подчеркнуть, что этот вопрос организации жизни у себя на местах тоже является немаловажным. Не секрет, что многие жители России оказались на «территории неблагоприятия». Я здесь не имею в виду неблагоприятие исключительно финансовое. Оглянувшись вокруг и присмотревшись, мы можем увидеть черты этого неблагоприятия почти в каждом среди окружающих нас людей. Это неблагоприятие — в отсутствии устремлений к чему-то высокому. Люди закрывают-

ся в своей частной жизни, живут по каким-то и кем-то выдуманным алгоритмам. Я зачастую наблюдаю, что достаточно большое число моих знакомых живет, если так можно выразиться, какой-то уж совсем одинаковой жизнью. Видимо, это обусловлено стремлением выжить и сохранить какое-никакое «общепринятое лицо». Но люди-то все изначально разные. И такая унификация не может не приводить к внутренней травмированности и, соответственно, к серьезным защитам, которые выстраиваются вокруг себя. Попытка собрать таких людей, пусть даже и объединенных одной идеей, это уже непростая задача, а еще более непростая — сделать из них настоящую организацию. И это легко проследить: в ритм, заданный Летней школой, люди втягиваются не сразу по приезде, а входят в него постепенно и с небольшой опаской. Однако всё же, в итоге задача объединения оказывается решена.

На VIII Летней школе это произошло не в последнюю очередь благодаря той культурной программе, которая нас ждала, а точнее сказать, на нас обрушилась. Она была более насыщенной, чем в прошлом году: тогда мы смотрели замечательный спектакль «Стенограмма», в этом году, помимо двух не менее замечательных спектаклей «Зерна» и «Пастырь», нас ждал еще концерт классической музыки. Культура — не открою тут Америку — помогает сохранять высокое в каждом человеке, даже в трудных обстоятельствах и в условиях серьезного стресса. Мне в связи с этим вспоминается сцена из фильма «Побег из Шоушенка», когда главный герой фильма попадает в тюремный карцер, после того как поставил пластинку с произведе-

ниями Моцарта и запустил ее по громкоговорителям тюрьмы. По его словам, время в карцере пролетело незаметно, потому что с ним была эта музыка, пусть даже игравшая в его воспоминаниях.

Но вернемся к спектаклям. Особенно хотелось бы отметить спектакль «Пастырь», поставленный силами Александровской коммуны. Спектакль мы смотрели уже после того, как прослушали монографию московских коммунаров о юности Сталина, что, конечно, улучшило восприятие спектакля. Я уже однажды упоминал, что при прочтении исторических свидетельств о личностях, творивших Великую Французскую революцию, у меня возникло ощущение некоей фантастичности происшедшего, потому как в современном мире мы не имеем подобных примеров негибкости воли и такого проявления подлинной гражданственности. Биография молодого Сталина производит не менее яркое впечатление: человек находил в себе силы в любой жизненной ситуации, ради идеи он не опускал руки, даже находясь в ссылках, его жизнь была, по большому счету, подчинена одной великой мечте, и он следовал ей до конца жизни. Невозможно после этого не задаться вопросом о том, где же сейчас эти пламенные и негибкие Сталин, Камо, Дзержинский и другие?

Не может же быть так, что эти силы, которые просыпались в героях Октябрьской революции, недоступны нынешним последователям красной идеи в принципе? И нельзя же в этом вопросе сослаться исключительно на другие условия жизни в Российской Империи и другую политическую, бытовую, экономическую ситуа-

цию тех дней. Как показывает мировая история, в разные годы и века даже в самые тяжелые и неблагоприятные времена появлялись группы накаленных людей, которые были способны изменить ход истории. Значит, эта задача является вполне решаемой, однако подходить к ней следует, в первую очередь, поняв, в какой реальности мы находимся и чем обусловлены возникшие проблемы, не позволяющие нынешним последователям большевиков перейти в иное качество. И если аналитический подход позволяет с рациональной точки зрения выявить некие феномены, присущие современной эпохе, то подход через культуру позволяет эти феномены прочувствовать лично, осознать их не только как какую-то формулу или даже полноценный научный документ. Но и, если так можно выразиться, понять это своим сердцем и прикоснуться к проблематике уже с духовной стороны.

В каком-то смысле VIII Летняя школа перешла к качественно новому формату, когда осуществляется комплексный подход к решению стратегических задач движения «Суть времени». Задачи и цели, стоящие перед движением, никуда не ушли, а даже расширились, при этом с помощью нового подхода есть возможность глубже изучить текущую реальность, в которой мы все так или иначе существуем.

Учитывая, что Россия сейчас входит в новую, очень напряженную фазу противостояния с Западом, необходимо признать, что новые вызовы требуют нового подхода. И подход движением «Суть времени» выбран, я полагаю, верный.

Андрей Лавренчук

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФФП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 2428
№ 291 (291) от 15.08.2018
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8000, цена свободная

ISSN 2500-0330

9 772500 033000